

Миссия свыше

П Татьяна ПОЛЯКОВА

авантурный детектив

«И жизнь, и слезы, и любовь... Ни один роман Татьяны Поляковой не обходится без этих трех составляющих. Именно на них писательница умело нанизывает неожиданные сюжетные повороты, невероятные приключения, изящный юмор, душевные переживания и, разумеется, страстные любовные отношения. Но, главное, что после прочтения книг Поляковой остается долго не проходящее чувство позитива».

Еженедельник «Собеседник»

Annotation

«Четверо людей в прежней жизни дали клятву встретиться в другой жизни. Страшную клятву, кровавую. Трое уже встретились. Ждут вас». Эти слова сказал мне как-то заезжий гуру в буддийском центре, куда я забрела от нечего делать. Надо признать, слова гуру произвели впечатление, как ни старалась я отнестись к ним с юмором. Теперь я то и дело ловила себя на мысли, что чего-то жду. Благих перемен в своей судьбе? Некоего события?.. Но время шло, странная история вызывала теперь досаду и разочарование: в глубине души я рассчитывала на приключение, даже когда в сердцах называла гуру шарлатаном. И вот однажды я получила игральную карту, даму червей, с указаниями на обороте времени и места встречи...

© Полякова Т.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

В каждом городе есть такие места, о существовании которых горожане не подозревают, даже если живут здесь довольно долго. Хотя, может, я из тех, кого особенно внимательной не назовешь. Ходишь несколько лет по одной и той же улице, смотришь на одни и те же дома, а задай вопрос, сколько там этих самых домов, сколько этажей в каждом: три, четыре, пять? Или количество подъездов? И не всегда ответишь.

Подобным рассуждениям я была обязана тому, что, свернув в подворотню, вдруг увидела на стене надпись: «Буддийский центр» и стрелку, указывающую куда-то в глубь двора. Туда мне было точно не надо, но я прошла метров сто и обнаружила небольшое двухэтажное здание, не так давно отреставрированное, с резной дверью. Рядом цветочки в вазонах и скамеечка с предупредительной табличкой «У нас не курят». И здание, и табличку я видела впервые, раньше мне и в голову не приходило сюда заглянуть. Что мне здесь делать? Подворотня интересовала меня по одной причине: служебный вход в фирму, где работала Варька, находился именно в подворотне, а сама фирма, соответственно, занимала часть здания девятнадцатого века (скажем прямо, не лучшую его часть), фасадом выходящего на одну из центральных улиц города. Дома тут стояли вплотную друг к другу, а в хитросплетении старых дворов немудрено и заплутать. В общем, буддийский центр мог появиться здесь всего лишь на днях, а мог существовать и год, и два, и даже больше: просто на надпись и стрелку я не обращала никакого внимания. Промежуточный вариант: центр был, а стрелку намалевали совсем недавно.

Вот, скажите, зачем я трачу на размышление об этом центре кучу времени?

— Потому что я любознательная, — тут же ответила я самой себе, а внутренний голос некорректно вмешался: «Потому что делать тебе совершенно нечего». Это было особенно обидно, потому что куда больше соответствовало истине.

Неделю назад я уволилась с работы и со дня на день собиралась заняться поисками новой, по опыту уже зная, что продолжу бездельничать до тех пор, пока деньги не кончатся. А когда их и без того небольшое количество начнет таять на глазах, я ухвачусь за первую попавшуюся работу, которая будет нравиться мне еще меньше предыдущей. Я даже подумывала покинуть этот город в надежде, что на новом месте что-то да изменится... Три года назад я тоже надеялась, обустроиваясь здесь... Дураку ясно: не города надо менять, а с собой что-то делать, но это, как известно, сложнее всего. Несет меня по жизни, точно щепку, подхваченную потоком воды после продолжительного ливня. Крутит, вертит, и добро бы с пользой... «Что есть польза?» — глумливо осведомился внутренний голос, а я по привычке ответила: «Иди ты...», причем вслух, что со стороны, должно быть, выглядело странно. Но по соседству не было ни одного живого существа, так что я могла бубнить в свое

удовольствие сколько угодно, но вместо этого поспешила вернуться в подворотню, и через минуту уже стояла перед металлической дверью с табличкой «Служебный вход» и давила на кнопку звонка.

Замок щелкнул, я толкнула дверь и вошла в узкий коридор, который заканчивался как раз перед кабинетом Варьки. По профессии подруга маркетолог, но последние полгода все ее рабочее время, а также душевные и физические силы уходили на интриги, которые сама Варька именовала «беспощадной борьбой». Итог ее, скорее всего, окажется плачевным, об этом я не раз говорила подруге, но, похоже, победа в борьбе уже была не так важна, как чрезвычайно активное участие. Боролась Варька с новыми хозяевами фирмы, которые отжали бизнес у прежних. Кстати, вчера вечером подружка битый час объясняла мне разницу между «отжать» и «подрезать», причем значения этих двух глаголов в Варькиной интерпретации весьма далеки от тех, что вы встретите в словаре русского языка. Лично для меня загадка, почему подружку новые хозяева до сих пор не выгнали? Может, надеялись, что одумается. А если начнет работать с тем же усердием, которое тратит на борьбу, годовой оборот фирмы подскочит в заоблачные выси. Второй загадкой был тот факт, что Варьку все называли исключительно по имени-отчеству и почему-то Варварой Пантелеевной, хотя ее папа обладатель имени Юрий, а вот фамилия у него и у Варьки — Пантелеевы. На вопрос, как из Варвары Юрьевны она стала Варварой Пантелеевной, подруга вразумительно ответить не смогла, а на повторный вопрос просто рукой махнула. Я единственная звала ее Варькой, надо полагать, из чувства протеста, и это почему-то неизменно удивляло всех общих знакомых.

Из-за двери доносился ровный гул голосов, я вздохнула и громко постучала. Голоса мгновенно стихли, а Варька крикнула:

— Кто?

Не отвечая, я заглянула в комнату и, застав за широким Варькиным столом товарищей по борьбе, двух девушек и молодого мужчину, радостно пискнула, расплывшись в улыбке:

— С революционным приветом...

— Жуть, — перебила Варька, глядя на меня в великой печали.

— Плохо выгляжу? — спросила я со вздохом, устраиваясь на свободном месте.

— При чем здесь ты? Эти мерзавцы затеяли очередную пакость...

— Вот именно, — тут же встряла девица с наполовину обритой головой. В носу кольцо, в ушах замысловатые сережки, причем мочкой пренебрегли и отверстие проделали в верхней части подозрительно заостренных ушей. Раньше встречаться с девицей мне не приходилось, и, глядя на нее, я попыталась представить новых хозяев фирмы, которые держат здесь подобных сотрудников.

— Они гомики? — спросила я немного невпопад.

— Что? — насторожилась Варька.

— Хозяева. Их же, кажется, двое?

— Почему гомики? Вроде не похожи.

— Но все равно очень продвинутые, — заявила я, продолжая разглядывать девицу. На ней была юбка из фиолетового бархата длиной чуть ниже пупка, и армейская рубашка с почему-то отрезанным воротом. «Неужто она так по улице ходит?» — подумала я, а Варька поспешила обрушить на меня очередной рассказ о происках хозяев. Бритая поджимала губы и в нужных местах кивала. Вторая девушка выглядела менее колоритно, юбка средней длины, белая блузка, а под ней просвечивал кружевной ярко-красный бюстгальтер. Девушку звали

Света, она была любовницей предыдущего хозяина, отца аж четверых детей (на это Светка особо напирала, рассказывая о кознях новых хозяев). Возмущение на этот раз и ее переполняло.

— Такие козлы, — яростно повторяла она в продолжение Варькиного рассказа. — Убила бы гадов...

— За это сажают, — на всякий случай предупредила я.

— Она в переносном смысле, — поспешил вмешаться парень, по виду и по сути — типичный ботаник. Как его занесло к этим чокнутым, для меня очередная загадка.

— Обеденный перерыв закончен, — взглянув на часы, напомнила я.

— Да фиг с ним, — рыкнула Варька.

— А конспирация?

Мои слова подействовали, девицы потянулись к выходу, вслед за ними поплелся «ботаник».

— Он в тебя влюблен, — предположила я.

— Борька? — подружка взглянула на портрет Петра Кропоткина, папы русского анархизма, украшавший ее стол, и добавила со вздохом: — Не мой калибр.

— Ты сейчас кого имеешь в виду?

Она махнула рукой, решив, что данная тема совсем не интересна, и спросила:

— Что с работой? Может, к нам пойдешь?

Я закатила глаза.

— Пополнять ряды отважных подпольщиков?

— Мы, между прочим, за правое дело...

— Отвали, — ласково попросила я.

— Ага, — кивнула Варька. — Значит, с работой туго. И настроение как у висельника, угадала? Это потому что нет в твоей жизни смысла...

— А в твоей?

— В моей есть.

— Слава богу. Держи ключи. — Я выложила на стол ключи от своей машины, Варька собиралась отвезти мать в санаторий, а своей машины у нее не было, хотя правами она обзавелась еще лет пять назад. Ездила не то чтобы скверно... задумывалась иногда, по ее собственному определению, и теперь я гадала, в каком виде доведется получить машину назад. «Форд» лихо бегал по дорогам страны уже семь лет, но это единственно ценная вещь, принадлежавшая мне, и я им дорожила.

— Спасибо, — сказала Варька, забирая ключи. — Может, со мной поедешь, чтоб не нервничать?

— С тобой я буду нервничать еще больше.

— Сама за руль сядешь.

— Я уважаю твою маму, но за час общения с ней, чего доброго, превращусь в маньячку.

— Это запросто, — согласно кивнула Варька. — Мамуля не подарок, а сейчас еще и новые зубы вставляет.

— А куда она дела старые?

— Выпали. Давно. Мамуля долго без зубов терпела, но к врачу в конце концов все-таки пошла. А он ей такие бабки озвучил, что мамка моя сразу от него к кардиологу, хорошо, что тот сидит в кабинете напротив, не пришлось шляться по коридорам.

— Впечатляет, — кивнула я.

— Еще бы. Мамуле и двух часов не хватит, чтоб все в деталях расписать. Слушай, может, ее к буддистам отправить? Начнет медитировать и о зубах забудет.

— Ты имеешь в виду буддистов, что обживают вашу подворотню?

— Ага. Надька, ты ее сейчас видела...

— С бритой головой?

— Ну... она у них днюет и ночует... Кстати, там у них сегодня какой-то хмырь нарисовался... гуру... — продолжила Варька. — Лекцию будет читать. Я б на твоём месте сходила. Кто-то должен тебе мозги вправить. А давай вместе пойдём?

— А давай. Только без твоей мамы.

— Само собой. Какой гуру ее выдержит.

— Гуру кто-то из местных? — поинтересовалась я.

— Надька сказала, из Тибета.

— И на каком языке он мне мозги вправлять будет?

Варька уставилась в потолок и нос потерла.

— Кто знает. Может, это... переводчика надыбают...

— Или гуру телепатически донесет мысль до каждого, — добавила я.

— Хорош язвить. Идем или нет?

— Идем. Делать все равно нечего.

— Надька сказала в шесть. Маму я завтра отвезу, так что ключи можешь вечером отдать, — милостиво предложила она.

— Обойдусь, — махнула я рукой и вскоре покинула ее кабинет, хотя Варька просила остаться и предлагала кофе. Кофе у нее скверный, а чая нет.

И я отправилась бродить по городу, бросив прощальный взгляд на свою машину, припаркованную неподалеку от офиса.

Варвара объявилась в половине шестого, позвонила по телефону, хотя мы договаривались, что в это время она заедет за мной, чтобы вместе отправиться на встречу с гуру. Тут же выяснилось: в планах подруги произошли изменения, добираться до заветной подворотни мне придется в одиночку, а встретимся мы уже на лекции. Положив трубку, я взглянула на часы, прикидывая, стоит покидать свое жилище или нет? К слову сказать, жилище моим вовсе не было, жила я в квартире своей подруги, бывшей одногруппницы. К ней три года назад я и приехала в надежде, что поиск смысла жизни пойдет здесь веселее. Со смыслом все по-прежнему, а вот моя Танька уже два с половиной года как в Германии, вышла замуж за приبلудившегося немца, но сама не знает, надолго ли, оттого в ее квартире живу я, оплачиваю коммуналку и слежу за порядком. И Таньке хорошо (квартира в надежных руках — это ее мнение, а вовсе не мое), а мне так просто здорово, если бы не этот подарок судьбы, работу пришлось бы искать уже вчера, съемная квартира в нашем городе удовольствие не из дешевых.

За эти годы мы с квартирой породнились, и сейчас я не видела особой нужды ее покидать. Но мысль о Варьке заставила меня подняться с дивана, где я лежала, перещелкивая каналы телевизора. Варвара Пантелеевна наверняка потащится к буддистам из желания спасти мою плутающую впотьмах душу, ей-то гуру из Тибета совершенно без надобности. В ее мире все кристально ясно и укладывается в два слова «надо бороться». С кем или с чем, всегда найдется. В общем, я торопливо поднялась, сменила джинсы на длинную юбку и вскоре покинула квартиру.

Стоило мне оказаться возле остановки, как тут же подошла маршрутка. Я увидела в этом добрый знак: «верной дорогой идете, товарищи», как говаривал еще один любитель изменить мир в лучшую сторону. Я устроилась у окна и в который раз попыталась нащупать причину своей меланхолии. Надо сказать, жила я вполне счастливо, но временами находило... Временами находит на всех, что мне известно доподлинно, но в моем случае длилось подобное состояние слишком долго, растягиваясь на месяцы, а то и на полгода. Если коротко, то чувство было такое, точно я не там, где должна быть, а там, где должна быть, меня очень ждут и нужно бы торопиться. Все проблемы начинали казаться глупыми, люди вокруг неинтересными, а жизнь в целом не особо радостной. Перемена мест, как я уже сказала, борьбе с хандрой не способствовала. Оставалось лишь надеяться, что все пройдет само собой. Правда, у мамы был свой взгляд на мою хандру: на личном фронте у меня глубокое затишье, работа меня не радует, потому что я не послушала маму и выбрала не ту профессию, к тому же я живу в городе, где у меня никого нет: ни родных, ни друзей (о существовании Варьки мама не подозревала, и это было скорее хорошо). По большому счету с мамой я была согласна. Особенно удручала ситуация на личном фронте. Мужчины держались со мной настороженно, смотреть смотрели, но не приближались. Я потихоньку наживала комплексы и завидовала Варьке, у которой отбояот парней не было. Ее друзья считали меня красивой девушкой, но никто ни разу не пригласил на свидание.

Я вздохнула в очередной раз над своей девичьей долей и, взглянув в окно, сообразила, что едва не проехала нужную остановку. Выпорхнула из маршрутки и зашагала по улице, оглядываясь в поисках своей машины, в надежде, что Варька уже приехала. Ни машины, ни Варьки.

Свернув в подворотню и преодолев положенную сотню метров, я смогла убедиться, что столпотворение сегодня не грозит. Взглянула на часы: пять минут седьмого. Либо все те, кто хотел, уже слушают гуру, либо Варька все бездарно перепутала. Второе куда вероятней. Я достала мобильный из сумки, собираясь звонить, но тут услышала шаги и обернулась. Ко мне стремительно приближалась бритая Надька, в платье оранжевого цвета с длинной юбкой, из-под которой выглядывали тонкие щиколотки, украшенные браслетами, они мелодично позвякивали при каждом ее шаге. Платье было красивым, босоножки тоже, и против браслетов я не возражала, но в целом Надька выглядела еще нелепей, чем в нашу недавнюю встречу.

— Идем скорее, — сказала она, хватая меня за руку. — Просили не опаздывать. Варвара Пантелеевна мамашу к зубному повезла. Обещала подтянуться позднее.

— Ага, — только и смогла ответить я.

Внутри здания не было ни одного человека, и тишина царила подозрительная. Но Надька уверенно направилась в глубь помещения, и я припустилась следом. Она осторожно открыла дверь и так же осторожно, заглянув внутрь, кивнула мне.

В небольшом зале прямо на полу сидели человек тридцать, в основном девушки. Кто-то пришел со своим ковриком или подушкой, а кто-то довольствовался половичком, которые стопочкой лежали в уголке. Надька, схватив половичок, протиснулась ближе к окну, возле которого в позе лотоса сидел мужчина в белой просторной одежде. Длинные волосы, совершенно седые, стянуты в хвост. Глаза гуру были закрыты, руки лежали на коленях, ладони в старческих пятнах, что удивило, старым мужчина не выглядел. Встреть я его при других обстоятельствах, иначе одетым да еще подстриженным покороче, дала бы лет сорок, не больше. Я так и стояла в дверях, разглядывая его, пока Надька не шикнула на меня,

оглянувшись и махнув рукой. Я опустила на пол, не забыв про половичок.

Минут десять все сидели в тишине, к тому моменту разглядывать гуру уже стало не интересно, я вспомнила о Варьке и решила, что ее отсутствие мне скорее на руку. Молчать она не в состоянии, а если окружающие начинали гневаться, то подружка тут же переходила на смс. В кино с ней можно идти, только если фильм скучнейший. А здесь гуру... Мужчина открыл глаза и неожиданно заговорил. Я-то думала, что он еще долго будет сидеть в молчании, и даже вздрогнула, услышав его голос. Тихий, мелодичный. В нем было что-то птичье. Глаза у него оказались очень светлыми, национальность его определению не поддавалась, вроде бы европеец, хотя и это сомнительно. А вот заговорил он на английском.

Через полчаса, пытаясь устроиться на половичке поудобнее, я уже жалела, что пришла сюда. Моего английского не хватало, чтобы в полной мере осознать, о чем он говорит, а переводчик оказался совсем скверным. Девушка лет двадцати пяти, сидевшая рядом с гуру, должно быть, очень волновалась. То и дело сбивалась, краснела, торопливо извинялась и вновь делала ошибки. Лицо ее покрылось испариной, и я испугалась, что она, чего доброго, в обморок грохнется. Гуру наконец-то обратил внимание на ее состояние и предложил помедитировать вместе. Отличный момент, чтобы незаметно уйти, но, как на грех, рядом оказалась девица, перекрывшая мне доступ к двери, медитировала она так самозабвенно, что не хотелось ее беспокоить. Ставив все оставшиеся половички, я привалилась к стене, устроившись с максимальными удобствами, и закрыла глаза. Главное, не уснуть. Свалюсь под ноги кому-нибудь, вот будет потеха...

Вскоре я уже пребывала в расслабленном состоянии, и была в мире и с собой, и с целым светом. Выходит, не зря меня Варька сюда отправила... Полудрема длилась довольно долго. Тут гуру вновь заговорил, а девушка с легким заиканием начала переводить, но теперь я их не слушала, зависнув где-то между мирами, и счастливо улыбалась. Не знаю, сколько бы я смогла находиться в таком состоянии, но люди вокруг вдруг завопили, задвигались, и я поняла, что встреча закончена.

— Ну как? — спросила Надька, оказавшись рядом со мной.

— Впечатляет, — ответила я.

— Это еще что. В прошлом году к нам приезжал... — Но о том, что было в прошлом году, мне так и не довелось узнать. Гуру в комнате уже не было, народ покидал ее, на ходу обмениваясь впечатлениями, а ко мне чуть ли не вприпрыжку направилась переводчица.

— Подождите, пожалуйста, — попросила она. Я замерла, теряясь в догадках, что ей понадобилось. Тем же была занята и Надька, хмурилась, переводя взгляд с меня на переводчицу и обратно. — Учитель хочет с вами поговорить, — понизив голос, произнесла девушка, а я бестолково переспросила:

— Со мной?

— Да.

Даже после утвердительного ответа я продолжала сомневаться, а не произошла ли ошибка? Вдруг девушка меня с кем-то перепутала? Гуру, как известно, не ошибаются, но я была уверена, на меня он не обращал внимания, и, скорее всего, даже не видел, ведь я сидела возле двери за спинами десятка людей. Или все-таки заметил меня, когда я вошла, опоздав на несколько минут? Пожалуй, так. Но не об этом же он хочет поговорить? А о чем? Надька продолжала в недоумении тараторить. Я ее очень даже понимала, но отправилась вслед за девушкой.

Гуру был в соседней комнате, сидел в кресле, положив руки на подлокотники, перед

ним стояла чашка с напитком, от которого поднималась струйка пара и пахло почему-то аптекой. Гуру пристально посмотрел на меня и улыбнулся. Как ни странно, улыбка вышла немного виноватой, точно он испытывал неловкость оттого, что меня побеспокоил. «Святые люди, как правило, очень деликатны», — подумала я, так и не найдя объяснения, чему обязана вниманием этого человека.

Сейчас, сидя в кресле, он казался как-то обыкновеннее, но одновременно и симпатичнее. Не зная, что должна сделать, я молча поклонилась. Он поклонился в ответ и указал рукой на соседнее кресло. Я поспешно села на самый краешек, по-прежнему толком не зная, как себя вести. Судя по всему, он тоже не знал, хотя поверить в такое практически невозможно. Улыбка все еще блуждала на его губах, он продолжал смотреть на меня, но как-то сквозь, и я начала сомневаться, видит ли он меня, а еще: помнит ли, что я рядом? «Ушел в нирвану», — подумала с беспокойством и без всякого намека на иронию.

Мы сидели так уже довольно долго, ни я, изнывая от любопытства, ни девушка-переводчик, которую происходящее тоже смущало, нарушить тишину не рискнули. В конце концов я робко кашлянула, а гуру тут же заговорил, точно все это время ждал сигнала.

— Я должен сказать вам кое-что, — девушка торопливо перевела, а он продолжил: — Я хочу, чтобы вы были уверены: мои слова вас ни к чему не обязывают... — Он вновь улыбнулся и кивнул: — Но вы должны знать.

— Что? — нетерпеливо спросила я по-английски и смутилась, решив, что прозвучало это не очень-то вежливо. Если так, гуру не стал принимать это близко к сердцу и улыбнулся шире. Зубы у него были белые и ровные. «Голливудская улыбка», — подумала я. Девушка стояла между нами, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Четверо людей в прежней жизни дали клятву встретиться в другой жизни. Страшную клятву, кровавую, — продолжил он вроде бы с сожалением. — Трое уже встретились. Ждут вас.

Стоило ему произнести первую фразу, как сердце ухнуло вниз, а потом побежало куда-то со страшной скоростью. По спине прошел холодок, точно ее коснулись холодной лапой. И словно в подтверждение того, что так оно и есть, я увидела, что мои руки покрылись мурашками, как будто меня раздетой выставили на мороз. «Господи», — успела подумать я, сама не зная, по какому случаю его беспокою. Гуру замолчал, убрал улыбку с лица и закрыл глаза. Я вопросительно взглянула на девушку в надежде, что ее перевод окажется куда толковее. Но она повторила слово в слово то, что я уже слышала.

— Спроси, что это за люди, — попросила я, и она послушно перевела. Однако гуру на ее слова попросту не обратил внимания, продолжая сидеть истуканом, вызывая у меня легкое раздражение.

Прошло минут пять, не меньше, прежде чем мы решились обменяться взглядами, девушка пожала плечами, а я вздохнула. Гуру, судя по всему, пребывал где-то далеко от этого места, но любопытство, пришедшее на смену недавнему испугу, прямо-таки разбирало. И я, собравшись с духом, повторила настойчиво:

— Скажи ему, я ничего не поняла.

— Простите... — заговорила девушка, но он тут же перебил:

— Я сказал все, что должен был сказать. — И кивнул, обращаясь ко мне: — Ступай.

И я на негнущихся ногах направилась к двери, открыла ее и увидела двух молодых людей, должно быть, устроителей, которые паслись с той стороны, не решаясь прервать нашу беседу, а рядом с ними Надьку, изнывающую от любопытства.

— Чего сказал-то? — взволнованно зашептала она, я направилась к выходу и отвечать не спешила. Требовалось время, чтобы хоть немного прийти в себя.

Надо признать, слова гуру произвели сильное впечатление, как ни старалась я отнестись к ним с юмором. Впечатляли и даже пугали не столько сами слова, сколько моя реакция на них. Точно не я, а мое тело вдруг что-то вспомнило и замерло в страхе. «Чушь собачья», — мысленно решила я и криво усмехнулась.

— Не тяни, — взмолилась Надька, мы успели покинуть буддийский центр и теперь стояли во дворе, глядя друг на друга. Я махнула рукой:

— Наплел какую-то чушь, про клятву и скорую встречу... — стоило мне произнести это, как последовал толчок в сердце, да такой, что я едва устояла на ногах от боли. На мгновение стало трудно дышать, я невольно пригнулась, обхватив себя за плечи.

— Чего? — ошалело произнесла Надька, мой ответ на ее предыдущий вопрос и впрямь особо толковым не назовешь. Я шумно вздохнула и выпрямилась.

— Идем, — и мы побрели к арке. Надька косилась на меня и ждала объяснений. Пришлось повторить слова гуру практически дословно.

— Ни фиги себе! — ахнула бритая, раза три переспросив, что он сказал и что при этом делал. — Круто... Так чего ж ты ничего толком не узнала? — вдруг накинулась она на меня. — Где ждут? Кто? Как ты их узнаешь? Давай вернемся и...

— Плохая идея, — вздохнула я, очень сожалея, что и впрямь нельзя вернуться. — Меня отправили восвояси, не пожелав ничего объяснять.

— Да? Жесть... но все равно круто.

— Круче некуда, — согласилась я. — Ладно. Пока.

Домой я решила добираться пешком, а обществом Надьки начала тяготиться, оттого, помахав ей рукой на прощание, заспешила к пешеходному переходу. Уже оказавшись на противоположной стороне улицы, обернулась и смогла убедиться: Надька продолжает стоять и смотрит мне вслед.

— Чудеса, — пробормотала я, вовсе не Надьку имея в виду. — Может, это какой-то фокус? Эффектное заключение лекции? Сказать-то можно что угодно... а моя реакция, к примеру, следствие гипноза. Гуру на многое способны. Все эти проповедники... Он не проповедник. Ну и что? Я о нем ничегошеньки не знаю. Почему он выбрал меня? Потому что я опоздала, он обратил на меня внимание... Когда я вошла, он сидел с закрытыми глазами. А что, собственно, произошло? Ничего. В прежней жизни я дала страшную клятву встретиться с неясной целью с тремя неизвестными мне личностями, то есть в той-то жизни мы, вероятно, были хорошо знакомы. В той жизни, в этой... все подобные утверждения абсолютно бездоказательны. Отнесемся к происшедшему как к забавному приключению. Еще лучше забыть о предсказании прямо сейчас.

Последнее оказалось невыполнимым, хотя бы потому, что очень скоро позвонила Пантелеевна и с места в карьер принялась рассуждать о реинкарнации и прочих радостях, из чего я заключила: Надька успела в красках описать происшедшее со мной в буддийском центре.

— Надька говорит, он великий учитель...

— Само собой...

— И читает в душах как в открытой книге.

— Куда ж без этого... — ответила я, решив, что Надькин словарный запас, судя по всему, за последний час заметно обогатился. — Интересно, где гуру был с визитом до нас? —

подумала я вслух. — И какой номер там отколол?

— Ты что, ему не веришь? — ахнула Варька, и стало ясно: подобное, по ее мнению, святотатство.

— Как можно! — хмыкнула я. — Такие люди не врут. — Если честно, в тот момент я была совершенно уверена: гуру действительно был далек от желания морочить мне голову.

— Вот именно, — обрадовалась Варька. — И что теперь делать?

— Кому?

— Тебе, бестолочь.

— Телевизор смотреть.

— Гуру по телевизору показывают? — возбудилась она.

— Вряд ли.

— Тогда зачем?

— Может, и незачем. Лучше книжку почитаю.

— Ленка, ты дура, — простонала Пантелеевна. — Если б мне такое предсказали...

— Ты бы бегала по городу, приставая к прохожим с вопросом: «Не вы страшную клятву давали?»

— Ну... нет, конечно. Но твое отношение меня удивляет.

— По-моему, это круто, — подсказала я.

— Еще как круто. Ладно, посмотрим, что дальше будет.

— Ага. Гуру сказал, гуру сделал.

Отложив в сторону мобильный, я закинула руки за голову и уставилась в потолок.

— Трое уже встретились и ждут меня, — пробормотала едва слышно, и, удивительное дело, в моих словах не было и намека на иронию, скорее — надежда.

Сны донимали меня давно. Я их не помнила, точнее, забывала мгновенно, лишь только открывала глаза, но оставались беспокойство и боль, а еще тоска, словно я оставила далеко-далеко что-то очень важное для себя. Проснувшись утром, я в очередной раз попыталась вспомнить недавний сон.

— Чертов фокусник, — буркнула в досаде, так ничего и не вспомнив. Чертов фокусник — это, самой собой, гуру. Запудрил девушке мозги, вот и снится всякая чушь... Я посидела немного, дрыгая ногами и пытаясь восстановить в памяти впечатление, оставшееся ото сна... грусть... нет, страдание... Во сне я страдала от какой-то потери... мужчина? Никаких воспоминаний, а напридумывать можно что угодно. Глупо доверять своим чувствам — чувства обманчивы. Разум тоже не надежен. Вера слепа. Добавь еще, что мир — иллюзия, и можно начать всерьез подумывать о хорошо намыленной веревке.

— Знаешь, что нужно сделать? — громко спросила я, поднимаясь. — Отдохнуть у теплого моря. Красивые загорелые парни, звездные ночи, секс на песчаном пляже... и хандра улетучится.

За последние полгода я повторяла это дважды в день без особого толку. Хандра не проходила, а купить путевку я так и не удосужилась. Шлепая босыми ногами, отправилась в кухню, выпила кофе, сидя на подоконнике. Во дворе бегала малышня, старушки на скамейках наблюдали за ними.

— Мир распадается на фрагменты... — А это я к чему? Какая только чушь не придет в голову. Может, в кино сходить? Я вернулась за планшетом, решив узнать, что идет в кинотеатрах города.

В кино я не попала, потому что соседка попросила посидеть с ребенком, пока она сходит в налоговую. Времени это заняло куда больше, чем я предполагала. Потом я готовила обед и таращилась в окно. Около шести появилась Пантелеевна и потащила меня на концерт малоизвестной рок-звезды. После концерта мы посидели в баре, выпили немного и разбрелись по домам.

На следующее утро Варька вернула мою машину, и это явилось единственным событием, заслуживающим внимание. Еще три дня оказались ничем не примечательными. Я то и дело ловила себя на мысли, что чего-то жду. Благих перемен в своей судьбе? Увлекательного приключения? Ожидание раздражало, не ожидание даже, а моя подспудная вера, что должно что-то произойти. Некое событие. Бывали случаи, когда люди всю жизнь чего-то ждали. И совершенно напрасно. Надеюсь, я не из их числа. «Займись делом», — ворчала я каждый вечер и каждое утро и продолжала двигаться по накатанной колее, самой себе так и не ответив на вопрос: чего жду? Чего вообще хочу от этой жизни? Вопрос, как известно, философский, и на нем многие обламывали зубы, чего ж говорить о молодой девушке со средними мыслительными способностями.

История с гуру еще несколько дней занимала меня, изрядно подогреваемая болтовней Варвары о «предсказании», но потом даже Пантелеевне все это надоело. Странная история (а как ее еще назвать?) стремительно становилась прошлым, вызвав легкую досаду и разочарование: в глубине души я, конечно, рассчитывала на приключение, даже когда в сердцах назвала гуру шарлатаном.

Прошел примерно месяц после того памятного вечера. Деньги таяли, я начала подыскивать работу, но без особого рвения. Очередное собеседование закончилось довольно поздно, домой я возвращалась пешком, экономя на бензине, предстоящая офисная жизнь вызывала стойкое неприятие, и я надеялась еще пару недель продержаться на плаву.

Собеседование прошло успешно, молодой человек, потратив на меня больше часа, остался доволен, обещал позвонить в ближайшие дни, что меня вопреки всякой логике вовсе не порадовало. Я-то мечтала валять дурака до осени, хотя здравый смысл все-таки заставлял шевелиться и работу искать. «Последние свободные деньки», — со вздохом подумала я, поднимаясь на свой этаж, достала ключи из сумки и уже собралась открыть замок, когда заметила клочок картона, торчащий из двери на уровне моих глаз. Соседи, бывало, оповещали таким способом, что пришла моя очередь мыть полы на лестничной клетке, но обычно использовали бумагу. Я потянула за краешек картона, и тут выяснилось: это вовсе не послание от соседей. В руках у меня была игральная карта. Дама червей. Я не сильна в картах, но масти, конечно, знала. Помнится, в летнем лагере мы с азартом резались в дурака.

С полминуты я разглядывала карту, совершенно обычную, кстати. Никакой информации. Дама загадочно улыбалась, точно Мона Лиза на портрете, и не желала намекнуть, кой черт ей понадобилось торчать в моей двери. «Дети, — решила я. — Затеяли какую-нибудь игру». Лишь после этого я перевернула карту, уверенная, что и там ничего интересного не обнаружу. Черным фломастером через всю карту шла надпись: «Сегодня в полночь. Невская, 23-4».

— Дети, — на сей раз вслух повторила я и добавила с ухмылкой: — Развлекаются.

Открыла дверь, вошла в квартиру, бросила сумку в прихожей и потопала в кухню, с намерением отправить карту в мусорное ведро. Однако вместо этого поставила ее на холодильник, прислонив к вазочке с одинокой розой. Села на табурет. Дама червей

насмешливо посматривала на меня, а я на нее. Мысль о детях теперь не казалась особенно удачной. «Только без фантазий», — попробовала я призвать себя к порядку. Заглянула в прихожую, достала из сумки планшет и набрала адрес. Через мгновение выяснилось: по адресу Невская, 23, находился цирк.

— Точно, дети, — со вздохом вернулась я к первоначальной версии. В любом случае, в полночь цирк уже закрыт.

С планшетом в руках я устроилась за столом в кухне и забила в поисковую строку «дама червей». Тут же получила кучу ссылок с объяснениями, по большей части совершенно бесполезными. Какое отношение цирк имеет к даме червей, а она ко мне? Внезапно разозлившись, я вновь решила выбросить карту в мусорное ведро, но вместо этого лишь положила изображением вниз, так и оставив на холодильнике. Выглянула в окно. Дети во дворе вели себя как обычно. А как им еще себя вести? Дети легко забывают недавнюю игру, затеяв новую. На то и дети. Вот тут следовало бы утомиться. Забыть о картах, поужинать, посмотреть телевизор или заняться еще чем-то таким же бесполезным и приятным...

Вместо этого я вышла на лестничную клетку и обследовала двери двух соседних квартир. Ни карт, ни записок. Двери как двери. Поднялась этажом выше, а вскоре прочесала все пять этажей. Если это детские забавы, то выбрали они лишь мою квартиру.

В самый разгар дурацких изысканий я столкнулась с соседкой, дамой пенсионного возраста, саму себя назначившей главной по подъезду. Обычно встретившись с ней, я торопилась проскользнуть мимо, потому что соседка обожала поболтать на темы, весьма далекие от моих интересов. На сей раз я никуда не спешила и, как следствие, потратила на беседу минут двадцать. Если верить Анне Ивановне, детской активности в подъезде не наблюдалось, и никаких игральные карты гражданами обнаружено не было.

Вернувшись к себе, я еще раз повертела карту в руках. Почерк не детский. Буквы ровные, угловатые. Ясное дело, что это дурацкая шутка, но кому вздумалось шутить? Я решила позвонить Варваре и уже взялась за телефонную трубку, но идея тут же была забракована. Подобные шутки точно не в духе Пантелеевны. Сказать по правде, фантазия у нее так себе... Первого апреля она попыталась разыграть меня, но хохотать начала раньше, чем закончила свой рассказ, надо признать, довольно бестолковый. Других претендентов не было. Большинство моих знакомых даже не знали, где я живу. Приглашать их в чужую квартиру я считала неприличным и встречалась обычно в кафе или просто на улице.

Устав ломать голову, я все-таки поужинала и завалилась на диван с пультом в руке. Но телевизор не включила. Почерк мужской. Хотя... уж очень аккуратный. Дался мне этот почерк. Шутка признана глупой, а я еще глупее, если трачу на нее столько времени. В тот момент я искренне считала, что тем дело и кончится. Однако ближе к одиннадцати начала то и дело поглядывать на часы, а потом и вовсе подумала: «До цирка на машине минут двадцать — двадцать пять», то есть вполне допускала, что могу туда отправиться. Кстати, а почему бы и нет? Прогулка мне не повредит, делать все равно нечего. Если шутник себя проявит, посмеюсь вместе с ним. А вот если останусь дома, так и не узнаю, кто он. Впрочем, всерьез я не надеялась, что возле цирка меня и вправду кто-то ждет. Прокачусь, осмотрюсь и вернусь домой.

Следуя этому плану, я спустилась во двор, где стояла моя машина, но прежде, чем завести мотор, внимательно огляделась. Двор тонул в темноте, ни одной души поблизости не обреталось. Детишки покинули двор еще час назад, вслед за ними удалились старушки, отдохавшие на скамейках после дневной жары. Город понемногу отходил ко сну, завтра как-

никак рабочий день.

Свернув на светофоре, я увидела здание цирка. Огни рекламы вспыхивали на фасаде. «Новая программа», — прочитала я и вновь свернула на небольшую парковку справа от здания. Площадка перед входом была ярко освещена, аллея по соседству тоже, одну из скамеек заняла молодежь, четверо парней и две девушки. Никого из них я раньше не видела.

Выйдя из машины, немного прошлась по аллее, на мое появление молодежь никак не отреагировала, скорее всего, меня попросту не заметили. Время позднее, но ничего скверного я не опасалась, район спокойный, пространство вокруг отлично просматривается. Мимо как раз проехала полицейская машина.

— Ну вот, я здесь, и что дальше? — проворчала я с легким разочарованием.

Возвращаться ни с чем очень не хотелось, но торжественной встречи, похоже, ожидать не придется. И тут взгляд мой уперся в дверь, точнее, в табличку, что была над дверью: «Выход № 3». Если есть № 3, вполне возможно, есть и № 4.

Заметно ускорившись, я поравнялась с еще одной дверью, табличка над ней сообщала, что это как раз четвертый выход. Повертев головой и никого так и не обнаружив, я потянулась к дверной ручке, уверенная, что дверь заперта. Однако она легко открылась. Лампочка впереди освещала довольно узкий коридор.

— Эй, — позвала я. В ответ тишина. Я немного постояла, не зная, что делать. Громко кашлянула, еще раз сказала «эй» и вздрогнула от неожиданности, когда передо мной материализовался мужчина. Двигался он абсолютно бесшумно, а одет был во все темное, его лицо точно выплыло из темноты, а я испуганно отступила, и тут же напомнила себе, что я в цирке, здесь есть сторож и ему вряд ли понравится...

— Вы, должно быть, карта? — хорошо поставленным голосом, каким обычно говорят конферансье или дворецкие в фильмах, осведомился он.

— Что? — растерялась я и машинально нащупала в кармане ветровки даму червей, радуясь, что прихватила ее из дома.

— Карта при вас? — посуровел мужчина.

— Да, — кивнула я торопливо и достала ее, но мужчина на карту даже не взглянул.

— Вам сюда.

По гулкому вестибюлю мы направились к распахнутой настежь двери, которая вела в зал. Вестибюль тонул во мраке, а вот арена впереди была хорошо видна. Сверху падал свет одинокого фонаря, освещая красное ковровое покрытие. Это все, на что я обратила внимание в первый момент. Мужчина кивнул в направлении арены и с достоинством удалился, а я услышала странный звук, то есть в то мгновение любой звук казался странным. На самом деле что-то методично постукивало. Я прошла по проходу, разделяющему зрительские кресла, и теперь могла видеть всю арену. Она вовсе не была пуста. На бархатном ограждении, вытянув длинные ноги, сидел молодой мужчина, держа на коленях раскрытый ноутбук, и что-то печатал с фантастической быстротой.

Услышав мои шаги, он повернулся, а я застыла в проходе, разглядывая его. На вид не больше двадцати шести лет, симпатичное лицо, глаза, должно быть, светлые. Точно у серфера, выцветшие волосы падали на лоб. Он улыбнулся, и на правой щеке появилась ямочка, делающая его улыбку очаровательно мальчишеской. Если карту прислал он, я совсем не против знакомства.

— Привет, — сказал блондин и помахал мне рукой.

Только я собралась ответить, как из темного прохода на арену выступил еще один мужчина. Высокий, широкоплечий, в джинсах и темной футболке с длинными рукавами. Волосы коротко стрижены, на шее я заметила наколку, кажется, иероглифы. В руках он держал теннисный мяч, которым с силой ударил о пол и тут же ловко поймал. Таким образом, он развлекался уже несколько минут, именно звук от удара мяча я и слышала.

— Вот это сюрприз, — засмеялся стриженный, обращаясь ко мне, в голосе чувствовалась насмешка. Он вновь поймал мяч, приблизился и спросил, на сей раз не скрывая ухмылки: — Кто ты, прекрасное дитя?

— А вы кто? — задала я встречный вопрос, приглядываясь к мужчине. Был он лет на пять старше блондина, суровое лицо с тяжелым подбородком. Характер, надо полагать, тоже нелегкий, хотя сейчас мужчина старательно улыбался, но улыбка на его физиономии выглядела скорее неуместной.

— Хороший вопрос, — засмеялся он и повернулся к блондину. — Девушка хочет знать, кто мы.

Блондин закрыл ноутбук и, положив его на ограждение, поднялся и спросил серьезно:

— Ты получила карту?

— Да. — Я достала из кармана даму червей и поспешно протянула ему, точно боялась, что он не поверит в мои слова. Блондин кивнул, мельком взглянул на карту, а стриженный вновь засмеялся. Правда, продолжалось это совсем недолго.

— И на кой черт нам дамочка? — покачав головой, спросил он. — Я тебя предупреждал, он спятил.

— Не болтай ерунды, — поморщился блондин.

— По-твоему, это ерунда? — развел стриженный руками. — Один этот цирк чего стоит. А теперь еще и девчонка. Говорю, он спятил.

— Давай дождемся объяснений, — миролюбиво предложил блондин.

— Когда это он обременял себя объяснениями?

— Эй, — не выдержала я, заподозрив, что про меня попросту забыли. — Кто вы такие?

Блондин достал из кармана клетчатой рубашки карту и показал мне. Бубновый валет. Хохотнув, стриженный сунул руку в задний карман джинсов и тоже достал карту. Король крестей.

— И что это объясняет? — спросила я, раздвинув рот до ушей.

— За объяснениями не к нам, — продолжил веселиться стриженный. — Вот сейчас появится... между прочим, уже пять минут первого. Обычно он не опаздывает.

— Он — это кто? — перебила я.

— Тот, кто разослал приглашения, — пожал плечами блондин.

— Кстати, а почему мы в цирке? Это что-нибудь значит? — проявила я интерес.

— Уверен — ничего, — ответил стриженный. — Он просто выпендрожник. Решил покрасоваться перед девушкой. — Мужчина повернулся к блондину. — А она красотка, ты заметил? — И продолжил, вновь обращаясь к нам обоим: — Директор цирка наверняка приятель нашего затейника, так что все просто... Хотя о чем это я? «Просто» — совсем не подходящее слово для нашего дорогого друга, лично я всегда восхищаюсь его безудержной фантазией.

— Это потому, что у тебя ее нет совсем, — засмеялся блондин, а я решила, что пора вставить слово, иначе про меня опять забудут.

— Валет, дама, король, а тот, о ком вы говорите, должно быть, туз?

— Джокер, — услышала я громкий голос. — Я предпочитаю эту карту.

Я резко повернулась и в нескольких шагах от себя увидела мужчину, он шел по проходу. Занятые разговором, мы не сразу заметили его. Мне в жизни не приходилось видеть подобных типов, разве что в кино. Из троицы он был самым старшим, хотя его возраст определить я затруднялась. Может, тридцать, а может, и больше. По сравнению со здоровяком в футболке он казался выше и стройнее, хотя когда они встали рядом, выяснилось, что они примерно одного роста. Длинные до плеч волосы, угольно-черные, блестящие, на концах завивались кольцами. Он зачесывал их назад и время от времени проводил по ним рукой, точно отбрасывал со лба, позднее я поняла: так он обычно поступал, размышляя о чем-то. Глаза его казались еще темнее волос, два бездонных омота, состоявших из одного лишь зрачка, на самом деле они были синими и цвет их менялся от насыщенной голубизны до темно-кобальтового с фиолетовым оттенком. Он носил очки прямоугольной формы без оправы, которые придавали ему вид менеджера какой-нибудь крупной компании, чем зачастую сбивал с толку людей, плохо его знавших.

В отличие от своих приятелей он был в темном костюме и белоснежной рубашке с запонками, украшенными черным камнем. На ногах лакированные туфли с острыми носами.

— Ну наконец-то, — буркнул стриженный, поворачиваясь на его голос.

— Извините за опоздание, — мужчина слегка поклонился. — Итак, все в сборе.

— Не хотите объяснить, что здесь происходит? — сердито спросила я, слегка обалдев от такой красоты.

— Пока ничего, — с некоторым удивлением ответил вновь прибывший и продолжил: — Господа, для нас есть работа.

— Хорошая новость, — хмыкнул стриженный. — Я уже вторую неделю на мели.

— Серьезно? — блондин смотрел на него с интересом. — Можно узнать, куда ты дел свою долю?

— Деньги нужны для того, чтобы их тратить...

— Об этом я и сам знаю. Но спустить за три месяца...

— Не увлекайтесь, господа, — хлопнул в ладоши Джокер. — Поговорим о деле. Надеюсь, вы обратили внимание на нашу гостью. Кузнецова Елена Яковлевна.

— Вот-вот, — тут же влез стриженный. — Я уже пять минут ломаю голову, зачем тебе понадобилась девчонка. На проститутку не похожа...

— Не обращайтесь внимания на его грубость, — вздохнул Джокер, обращаясь ко мне. — Он Воин, а не дипломат.

Блондин подошел, протянул руку и представился:

— Дмитрий Соколов.

— Очень приятно, — брякнула я, а он улыбнулся. Джокер руки не протянул, церемонно поклонился:

— Максимильтян Бергман к вашим услугам, дорогая.

Такое затейливое имя ничуть не удивило, назовись он как-то иначе, Ильей Петровым, к примеру, я бы поразились куда больше. Все в нем было необычно: внешность, имя и манеры придворного интригана. Дмитрий и Максимильтян выжидающе уставились на стриженного.

— Я останусь крестовым королем, — с ухмылкой заявил тот. — До тех пор, пока ты не соизволишь объяснить, что такого может наша Елена Прекрасная...

— Она не только красива и умна... — начал Максимильтян, обходя меня по кругу, при этом очень напоминая купца на невольничьем рынке, расхваливающего свой товар.

— Она комсомолка, спортсменка и так далее... Что еще, Джокер?

Максимильян сложил ладони домиком и теперь очень внимательно смотрел на меня. Как будто пытался найти ответ на заданный вопрос.

— У нее необыкновенные способности, — наконец произнес он и со смешком продолжил: — Кое-какие... например, иногда мертвые доверяют ей свои секреты. — Я вздрогнула от неожиданности, а он улыбнулся краешком губ: — Верно, дорогая?

Пока я лихорадочно пыталась решить, что ответить, стриженный вновь заговорил.

— Ба, девушка — экстрасенс? До чего мы докатились...

— Предстоящее дело не просто загадочно. По мнению человека, пожелавшего заплатить нам весьма серьезные деньги, там не обошлось без потусторонних сил.

— Ясно, — кивнул стриженный. — Клиент — конченный придурок, экстрасенс будет пудрить ему мозги, чтоб было веселее, а мы сможем спокойно работать. Слава богу, я-то всерьез начал беспокоиться о твоём здравомыслии, Джокер. Привет, деточка, — сделал он мне ручкой. — Меня зовут Вадим. Будь умницей, и мы сработаемся.

— Да пошел ты, — ответила я.

Трое мужчин переглянулись. Максимильян чуть приподнял брови, а Дмитрий, успевший опять уткнуться в компьютер, поднял голову и пожал плечами.

— Никаких дел я с вами иметь не собираюсь, — добавила я, чтобы у троицы не осталось сомнений, что мои слова относятся ко всем здесь присутствующим, а не только к стриженному.

— Почему? — вроде бы удивился Максимильян.

— Потому. Ни малейшего желания тратить время на объяснения. — Я достала из кармана карту, бросила ее на пол и направилась к проходу, буркнув досадливо: — Придурки.

— Детка, это мудрый поступок, — крикнул вдогонку Вадим, а Джокер произнес ласково:

— До скорой встречи, дорогая.

Я продемонстрировала средний палец и вскоре уже вступила в темное фойе. И испугалась, а вдруг не смогу выбраться отсюда? Но вопреки опасениям, выход нашла сразу, дверь по-прежнему была открыта, и я, оказавшись на улице, с облегчением вдохнула прохладный воздух. Молодежь со скамейки исчезла.

Вернувшись к своей машине, завела мотор, но уезжать почему-то не спешила. «Их трое», — с подозрительным трепетом подумала я, совсем некстати вспомнив предсказание гуру. А если все это подстроено? Предсказание — не более чем хитрый ход... Батюшки святы, да я спятила! Это совпадение, только так к происходящему и надо относиться, иначе черт знает до чего можно додуматься. О предсказании вообще давно следует забыть... Хорошо. Забыла. Но откуда Максимильян узнал... откуда он вообще обо мне узнал, не говоря обо всем прочем. В этом городе я ни одной живой душе не говорила... Если я правильно поняла, они занимаются расследованиями. Частное сыскное агентство? Допустим. Значит, вполне могли раскопать всю мою подноготную. Впрочем, особо раскапывать нечего. А зачем понадобился весь этот цирк? Карты, освещенная арена, полночь... Вадим назвал Джокера выпендренником. Похоже, так и есть. Развлекается человек... И все же, кто они такие? Просто жулики с воображением?

Очень много вопросов, и на них хотелось ответить. Если быть совсем честной, троица произвела впечатление. Блондин сразу же расположил к себе, точно я встретила друга детства, извечного партнера по шалостям, которого успела забыть и вдруг столкнулась с ним

через много лет. Вадим, как ни странно, тоже вызвал симпатию, несмотря на явное нахальство. Я помнила, как вдруг взволнованно затрепетало сердце, когда я увидела его на арене. С Максимильяном все куда сложнее. Он будоражил воображение и вместе с тем вызывал чувство, подозрительно напоминающее испуг. Страх, потихоньку переходящий в ужас. Пожалуй, тут я слегка преувеличиваю. С какой стати мне его бояться? Причин вроде бы нет, а беспокойство остается. Этот странный взгляд, насмешливый и ласковый одновременно, но где-то в самой глубине зрачка застарелая вражда, почти ненависть. «Ну, конечно, — хмыкнула я. — Мы встречались в прошлой жизни... Кажется, я увлеклась предсказанием...»

Не очень понимая, что делаю, я вышла из своего «Форда» и направилась вдоль здания к следующему подъезду. Рядом с ним стояли две машины: немытый, по меньшей мере, полгода «Ленд Крузер» черного цвета, и тоже черный, но в идеальном состоянии «Ягуар». До меня донеслись голоса, мужчины с кем-то прощались, собираясь покинуть здание цирка, дверь начала открываться, а я едва успела юркнуть за ближайшие кусты, свет фонаря сюда не доходил, и я надеялась остаться незамеченной. Первым показался Вадим.

— А девчонка в самом деле ничего, — произнес он, видимо продолжая начатый разговор. — Фигурка что надо, и мордашка выше всяких похвал. Признайся, Джокер, ты позвал ее в команду, чтобы нам не было скучно?

— У девочки талант, — ответил Джокер, вслед за Вадимом появляясь на улице. — Я так долго ее искал...

— По-моему, она не в восторге от нашего приглашения, — сказал Дмитрий, выходя последним.

Теперь все трое стояли в нескольких метрах от меня, и расставаться вроде бы не спешили.

— Девочка успокоится и непременно вернется, — разглядывая свои ботинки, ответил Максимильян, затем поднял голову и посмотрел в небо, точно прикидывая, не начнется ли дождь.

— Уверен? — хмыкнул Вадим.

— Абсолютно.

— И она тот самый четвертый член команды, о котором ты прожужжал нам уши?

— Именно так, — кивнул Максимильян.

— Лично я представлял себе все немного иначе. Имей в виду, если от девчонки не будет толку, тебе придется платить ей из своей доли.

— Конечно. Кажется, ей понравился наш Поэт, — добавил он, кивнув на блондина.

— Еще бы, девушки его любят... — Тут Вадим легонько толкнул плечом Дмитрия. — Чего молчишь? Как тебе девчонка?

— У нее проблемы. Не знаю, какие, но точно есть, — серьезно ответил он.

— А у кого их нет? — засмеялся Вадим. — Ладно, адиос, камрады, меня ждет брюнетка с офигительным бюстом и милой привычкой запасаться травкой.

— Не увлекайся, — насмешливо произнес Джокер.

— Оторвусь за нас обоих. Последнее время ты просто поражаешь меня своим целомудрием. Собираешься постричься в монахи?

— Может быть...

Они побрели к машинам.

— Тебя подвезти? — спросил Вадим блондина.

— Спасибо, пройдуся. — Он направился в сторону проспекта, Джокер сел в «Ягуар», а Вадим в «Ленд Крузер», оба одновременно тронулись с места и вскоре скрылись из поля моего зрения. Сидеть и дальше в кустах не имело смысла.

Бегом я припустилась к своей машине, а, выехав на проспект, увидела идущего впереди Дмитрия с сумкой через плечо, в которой он таскал ноутбук. Я приблизилась, сбросила скорость и посигналила, а когда он обернулся, приоткрыла окно и крикнула:

— Давай сюда.

Предлагать дважды не пришлось, он пересек разделяющий нас газон и вскоре уже сидел в машине рядом со мной.

— Куда отвезти? — спросила я.

— А ты где живешь? — вопросом на вопрос ответил он.

— На Тимирязева.

— Отлично, нам по пути. Высадишь меня возле своего дома.

— Не хочешь, чтобы я узнала твой адрес? — усмехнулась я.

— Не хочу тебя утруждать. Но если есть сомнения, могу пригласить к себе на чашку кофе.

— Перебьюсь. — Я направила «Форд» в сторону своего дома, покосилась на Дмитрия и буркнула: — Расскажешь, что у вас за лавочка?

— Стало интересно? — добродушно хмыкнул он.

— Еще бы. Это что-то вроде сыскного агентства?

Он пожал плечами.

— Официально — нет. У каждого из нас своя жизнь и своя работа, но иногда мы собираемся, чтобы покопаться в какой-нибудь поганой истории.

— Поганой? — нахмурилась я.

— Копаться в приятных историях нам еще не предлагали.

— А чем ты занимаешься в обычное время?

Он засмеялся, похлопал рукой по своей сумке и сказал:

— В обычное время я пишу программы и стараюсь поменьше привлекать к себе внимание.

— Максимильтян назвал тебя поэтом. Пишешь стихи?

— А ты, оказывается, любишь подслушивать чужие разговоры? — с притворным удивлением спросил он.

— Только когда взрослые мужики ведут себя как дети, начитавшиеся приключенческой литературы. Так ты пишешь стихи?

— Никогда не пробовал. В команде в мои обязанности входит сбор всякого рода информации.

— Ты — хакер, это я уже поняла, но почему он назвал тебя Поэтом?

— Если верить Максимильтяну, все мужчины делятся на три категории, — принялся он растолковывать. — Поэты, Воины и Купцы. Поэт — вовсе не означает, что это человек, который что-то там пишет, а Купец не только тот, кто что-то продает. Купцы — созидатели, Поэты — мечтатели и романтики, Воины — те, кто верит в незыблемость правил.

— Значит, ты — романтик, — кивнула я.

— Если верить Максимильтяну, — засмеялся Дмитрий.

— Вадим, само собой, Воин?

— Точно. Он в самом деле воевал. Лет десять только этим и занимался. Потом решил,

что с него хватит... — Тут он взглянул серьезно и продолжил: — Если ты будешь с нами, должна знать. Иногда он... — Дмитрий вздохнул и отвернулся к окну. — Война накладывает отпечаток на человека.

— У него поехала крыша и его спровадили на гражданку?

— Такого я не говорил... Полгода назад мы занимались расследованием. Похищение ребенка. Девочка погибла. Похитителя мы в конце концов нашли. По дороге в полицию Волошин, это, кстати, фамилия Вадима, вел себя абсолютно спокойно, даже шутил. А потом так же спокойно взял пистолет и рукояткой разнес похитителю челюсть, сломав сразу в трех местах. И, вместо того чтобы отправиться на допрос, тому для начала пришлось повалиться в больнице.

— Сколько лет было девочке? — нахмурилась я.

— Шесть.

— Не знаю, как бы я повела себя на месте Вадима, — заметила я ворчливо.

— Я понимаю, о чем ты. Но он профессионал. И обязан в любой ситуации сохранять спокойствие.

— Наверное, — пожала я плечами, не желая спорить, и задала очередной вопрос: — Максимильтян, следуя его собственной классификации, надо полагать, Купец?

— Максимильтян? — переспросил Дмитрий и вновь отвернулся к окну. — Максимильтян — Джокер, и может оказаться кем угодно.

— Не очень понятно.

— Он — необычный человек, — неохотно добавил Дмитрий.

— Еще бы... одни запонки чего стоят. А чем в реальной жизни занят этот необычный человек? Выступает в цирке?

— Шутишь?

— Нет. Из него получился бы отличный клоун, и кличка подходящая.

Дмитрий не меньше минуты смотрел на меня так, точно я призналась в страшном злодействе, а потом вдруг засмеялся. Он хохотал так, что на его глазах выступили слезы, он вытер их ладонью, после чего произнес, окончательно успокоившись:

— Извини, но это действительно очень смешно. В обычной жизни у Максимильтяна букинистический магазин на площади Победы. Ты его наверняка видела.

Тут самое время было и мне захохотать, настолько это показалось неожиданным. Букинистический магазин? Такое вообразить невозможно. На торговца подержанными книгами Максимильтян точно не похож. А на кого он похож?

— Ты шутишь? — только и могла спросить я. Дмитрий взглянул так, точно это я его разыгрывала.

— Нет. Почему?

— Такой тип и книжный магазин...

— Букинистический, — поправил тот. — Там есть очень редкие экземпляры. Древние. По-моему, Джокеру очень подходит такое место. Пещера Али-Бабы, только вместо золота — иные сокровища. Хотя... не удивлюсь, если кроме книг там настоящий старинный клад: дублионы или золото инков. — Дмитрий засмеялся, и я тоже весело фыркнула, но вдруг подумала, что меня золотые дублионы, пожалуй, не удивили бы. С ними Джокер ассоциировался куда больше, чем с кассовым аппаратом и рекламной акцией «Купи одну книгу, вторая — в подарок». Эх меня занесло, может, и нет никакой акции... только кассовый аппарат, без него-то уж никак.

Между тем мой спутник, очень серьезно взглянув на меня, вдруг заявил:

— Он тебя искал.

— Кто? — нахмурилась я.

— Джокер, — пожал Дима плечами. — Мы вместе уже три года, и все это время он говорил, что нас будет четверо.

Стоило ему произнести это, и по спине пробежал холодок, а сердце забилося испуганной птицей. Пытаясь не выдать своего волнения, я пожала плечами и сказала как можно равнодушнее:

— Считал, что вам нужен экстрасенс? Но со мной он дал маху, мне далеко до тех, кого показывают по телевизору.

— Джокеру виднее, — лениво ответил Дмитрий, точно вдруг охладел к разговору. — Он сказал, что ты будешь работать с нами, значит, так тому и быть. Даже если сейчас ты думаешь иначе.

— Да кто он такой, черт возьми?

Дмитрий вновь засмеялся:

— Однажды Джокер заявил, что он падший ангел. Надеюсь, ты слышала эту историю. Если нет — посмотри в Интернете. Довольно интересно.

— Слушай, — не выдержала я, — а у вас крышу не снесло, у всех троих?

— Кто знает, — миролюбиво отозвался он. — Я чокнутым себя не считаю, но самые упертые психи обычно уверены в своей абсолютной нормальности. Останови здесь, — попросил он.

Я притормозила у тротуара.

— Не можешь ты всерьез верить в такую чушь, как падшие ангелы, — с обидой произнесла я, когда он, подхватив свою сумку, выходил из машины.

— Почему? — удивился Дмитрий. — Очень даже могу. Я ведь Поэт-фантазер и романтик.

Он захлопнул дверь, помахал мне рукой и, дождавшись, когда я отъеду, зашагал в сторону супермаркета, чья реклама, освещенная разноцветными огнями, бросалась в глаза.

Я свернула на светофоре и вскоре въезжала во двор своего дома. Но еще некоторое время не покидала машину. «Он меня искал, — думала я. — И на поиски у него ушло три года, если верить Дмитрию. Допустим, ему был нужен экстрасенс... Достаточно заглянуть в Интернет, их там пруд пруди, ясновидящие, медиумы, колдуны, маги и прочее. Но он выбрал меня... Только, ради бога, не связывай это с дурацким предсказанием. Ничего себе дурацкое... Либо Джокер сговорился с гуру, либо... «Я попала в шайку мошенников, — с внезапной злостью решила я. — Еще неизвестно, чем они там занимаются на самом деле, — и совсем неожиданно для себя закончила: — Вот и узнаем».

Утром я вскочила ни свет ни заря. Так и подмывало сразу же бежать на площадь Победы, однако я призвала себя к порядку. Во-первых, магазин вряд ли открывается раньше десяти, во-вторых, к встрече не худо бы подготовиться. Моя задача выяснить, что это за троица и нет ли за ними каких грехов. В наше время при известном старании можно обзавестись массой сведений. Через некоторое время я разочарованно вздохнула, никого похожего в соцсетях не обнаружив. Ладно, Джокер или Вадим. Допустим, к Интернету они равнодушны, но Дмитрий просто обязан быть там, раз уж везде таскает с собой компьютер. Впрочем, если он хакер, а это, скорее всего, именно так, позаботился о том, чтобы выйти на него было не

просто.

— Ничего, — пробормотала я, подводя итог своим поискам, и тут же забила в поисковую строку «падший ангел». Прошлась по некоторым ссылкам и задумалась. Если опустить мистическую чепуху и перевести все на рациональный язык, получается следующее: это человек на перепутье, раздираемый двумя взаимоисключающими стихиями добра и зла, и куда качнутся весы, неизвестно. Поэтому Дмитрий на мой вопрос и ответил, что Максимильян не Купец, не Воин, не Поэт, а Джокер, то есть может быть кем угодно. Иными словами: жди любой пакости. Придется держать ухо востро.

Тут я невольно поморщилась: неужто я собираюсь продолжить знакомство? Не просто заглянуть в магазин и удовлетворить свое любопытство, а... выходит, Дмитрий прав и по большому счету от меня уже ничего не зависит.

— Чушь, — буркнула я и головой покачала. — Вполне извинительное любопытство, только и всего.

Я отключила компьютер и взглянула на часы. Оказалось, что уже половина второго. На что ушло все утро... Я уже была в прихожей, когда, бросив на себя взгляд в зеркало, внезапно пошла переодеваться. Джинсы и футболка были отброшены в сторону, а с ними и кроссовки.

Через десять минут я вновь смотрела на себя в зеркало. Теперь на мне было льняное платье с зеленым ремнем и босоножки с золотистой пряжкой. Неброско и вместе с тем стильно. «Я хочу произвести впечатление? — подумала чуть не ли испуганно и ответила: — Я хочу быть уверена, что выгляжу на все сто». Всмотриваясь в свое отражение, собрала распущенные по плечам волосы в хвост. Вот так лучше. Менее романтично, зато выгляжу серьезнее. Я взяла сумку, лежавшую на банкетке, мысленно произнесла «удачи» и покинула квартиру.

О букинистическом магазине на площади Победы я, конечно, знала. Во-первых, из-за его расположения рядом с троллейбусной остановкой, во-вторых, он находился в здании, которое само по себе заслуживало внимания. Трехэтажный особняк, построенный в самом конце девятнадцатого века, о чем сообщали цифры на фасаде: 1897 год, прямо над гербом с изображением раскрытой книги, розы и кинжала. Интересное сочетание. Особняк принадлежал купеческому сыну Елифану Дроздову, которому, само собой, никаких гербов положено не было. Однако, многократно умножив отцовское наследство и став одним из крупных промышленников в здешний краях, Дроздов таки гербом обзавелся, правда, явив его миру лишь на фасаде особняка, что тогдашние горожане списали на его чудачества и любовь к приключенческим романам.

Дом с двумя круглыми башенками в самом деле напоминал рыцарский замок. Центральное крыльцо с железными цепями по бокам имитировало подъемный мост, арочные окна в обрамлении белого мрамора, горгульи на башнях. В народе здание прозвали дом с чертями, приняв один фантастический персонаж за другой. В общем, домик заметный и хорошо известный, возле него туристические группы непременно останавливались. Краеведы, само собой, герб не обошли своим вниманием и купчину скоренько записали в мasons. После революции особняк у купца, как водится, отобрали. Великую Октябрьскую Дроздов встретил в Финляндии и сюда уже не вернулся, по слухам, успев до начала событий вывезти большую часть своих капиталов, и скончался в весьма преклонном возрасте в Канаде (бог знает, как его туда занесло) в окружении внуков и правнуков. Все это я нашла в Интернете, впервые обратив внимание на дом, примерно через неделю после приезда в этот город. Могу добавить, что некоторое время здесь находилась городская больница, затем

какие-то конторы, пока в начале девяностых не случился пожар. Особо серьезного урона он не нанес. Однако здание забросили. Оно потихоньку ветшало, поговаривали о сносе, потому как исторической ценности оно якобы не имело, но очухались и решили восстановить. К тому моменту там не было ни полов, ни рам, ни дверей, только зеленая сетка на фасаде и надпись «Охраняется государством». Фотографию я тоже видела в Интернете. Наверное, от дома остался бы один фундамент, но его вовремя продали с обременением: восстановить в том виде, в каком он был до революции. Так здание вновь стало украшением города. Впрочем, вопрос, на мой взгляд, весьма спорный. Вряд ли архитектора стоило причислять к гениям, но в городе не так много домов того периода, это во-первых, а во-вторых, своего хозяин добился — мимо такого дома вряд ли пройдешь.

Вывеска над двустворчатой дверью выглядела скромно, я бы даже сказала аскетично. На желтоватом фоне темные буквы, имитирующие готический шрифт. Я потянула дверь на себя, но не тут-то было, она оказалась заперта. Разочарованно вздохнула и только тогда обратила внимание на переговорное устройство с прикрепленной к нему карточкой «Звоните». Тут же был небольшой кармашек с торчащими из него визитками. «Букинистический магазин» — значилось на них, далее часы работы.

Нажав кнопку, я откашлялась в некотором волнении. Щелчок, и дверь открыли, не проявив интереса, что мне понадобилось. Я вошла, сделала несколько шагов и замерла с открытым ртом. И было от чего. Вдоль стен стеллажи с книгами, от пола и до самого потолка. Посередине огромный стол завален книгами, альбомами и старинными картами. Здесь же стулья, передвижные лестницы, чтобы можно было дотянуться до верхних полок стеллажей, шкафы с разными безделицами, от забавных фигурок из металла до лорнетов. Два огромных глобуса по углам, астролябии на одной из полок, подозрная труба и макет парусника. От всего этого великолепия голова шла кругом, немудрено, что я так и стояла, разинув рот. Однако мало-помалу я начала приходить в себя.

В первые минуты мне казалось, что из человеческих существ здесь лишь я, но теперь удалось разглядеть двух старичков, притулившихся в креслах возле полки с макетом парусника, оба держали в руках по толстой книге, один внимательно читал, вооружившись лупой, другой благоговейно перелистывал том. Еще один посетитель помоложе сидел на передвижной лестнице и что-то торопливо печатал, держа на коленях планшет. Тишина царилась библиотечная, было слышно, как переворачиваются страницы. Скрипнул стул, и опять все стихло.

Оправившись от первого потрясения, я принялась высматривать хозяина, но, похоже, к посетителям он не торопился. Только я об этом подумала, как из-за ближайшего стеллажа с какой-то антикварной рухлядью неопределенного назначения появился сухонький дядечка лет семидесяти, в черных брючках с подтяжками, голубой рубашке с галстуком и бабочкой красного цвета. Подтяжки, кстати, тоже были красными. Он на ходу надевал пиджак, приветливо улыбаясь. Серые волосы обрамляли внушительную лысину, очки на цепочке он водрузил на нос, как только справился с пиджаком.

— Добрый день, — сказала я, когда он подошел ближе.

— День действительно хороший, — ответил старикан. — Не так часто нас посещают молодые и очень красивые девушки. Могу я чем-то помочь?

— Вы здесь работаете? — в свою очередь спросила я.

— Именно так, — кивнул он и представился: — Василий Кузьмич. Вас интересуют книги? Может быть, какая-то конкретная книга?

— Книжки? Да, интересуют, — сказала я неуверенно. — Но... если честно, я просто хотела взглянуть на ваш магазин.

— Прощу, — сделал он широкий жест рукой. — Осматривайтесь. У нас немало вещей, заслуживающих внимания.

А я, наконец, решилась.

— Простите, а Максимильян здесь?

Старичок вроде бы удивился, брови поползли вверх, но где-то на полдороге он вдруг решил эмоции не демонстрировать, кивнул и ответил:

— Одну минуту. — Достал из кармана брюк мобильный и одним касанием набрал номер. — Максимильян Эдмундович, вас спрашивает юная особа.

Юной меня мог назвать разве что старичок вроде Василия Кузьмича, но все равно было приятно, особенно когда он добавил, должно быть, отвечая на вопрос Максимильяна:

— Да, красивая. Я бы даже сказал, очень красивая... — Выслушал хозяина магазина и кивнул: — Идемте, я вас провожу.

Мы направились к стеллажам, откуда он не так давно появился. Здесь стоял стол с вольтеровским креслом и настольная лампа с зеленым абажуром, на столе были свалены журналы. «Советский экран», — успела прочитать я название одного из них. По соседству находилась дверь, ведущая в коридор, в конце его лестница, по ней мы поднялись на второй этаж и уперлись в железную дверь, которая больше подошла бы какому-нибудь банку. Толстенная, с тремя замками. Она открылась автоматически, после того как Василий Кузьмич набрал код, предусмотрительно встав ко мне спиной. «Должно быть, здесь действительно хранятся редкие книги», — подумала я. Старик с улыбкой сказал:

— Прощу, — пропуская меня вперед.

Я вошла, и дверь стала медленно закрываться, Василий Кузьмич за мной не последовал. Я оказалась в небольшой комнате, без окон, здесь стояли два кресла и круглый стол между ними на низких ножках. Рядом сервировочный столик, на котором уместились кофе-машина, электрический чайник и кое-какая посуда. Сюда вела лишь одна дверь, та самая, через которую я вошла. Опустившись в кресло, я стала ждать появления Максимильяна. Через минуту оказалось, что с дверями я просчиталась. Была еще одна, но замаскированная, да так удачно, что я до последнего не догадывалась о ее существовании.

— Рад тебя видеть, — услышала я за своей спиной, вздрогнула от неожиданности, повернулась и обнаружила Максимильяна. Стены кабинета были обшиты деревянными панелями, что и позволило замаскировать дверь.

Бергман замер в дверном проеме, разглядывая меня, потом шагнул в комнату и занял соседнее кресло. Дверь с тихим щелчком захлопнулась.

— Чувствую себя героиней приключенческого романа, — сказала я, не утруждая себя приветствием, впрочем, и он себя не сильно утруждал. Мне хотелось, чтобы звучало это насмешливо, но вряд ли получилось особенно хорошо, окружающее и впрямь впечатляло.

— То ли еще будет, — отозвался он добродушно. Сегодня он был в джинсах, темной футболке и льняном пиджаке светло-салатового цвета. Вполне демократично и стильно. Выглядел он все так же интригующе, что я восприняла как личную обиду. Глупо, но что есть, то есть.

— Аренда влетает в копеечку? — задрала я голову, разглядывая потолок, не спеша переводить взгляд на Максимильяна, вдруг почувствовав непрошеное волнение.

— Дом принадлежит мне, — пожал он плечами. — На первом этаже магазин, на втором

— мое рабочее место и что-то вроде склада. Здесь я храню особенно ценные экземпляры и встречаюсь с серьезными покупателями. А на третьем этаже живу. Ты обдумала наше предложение? — без перехода спросил он, а я усмехнулась:

— Ваше? У меня сложилось впечатление, ты один все решаешь.

— Впечатление часто бывает обманчиво, — пожал он плечами. — На самом деле мы равноправные партнеры, одним из которых, надеюсь, будешь ты.

— Как ты меня нашел? То есть я хотела спросить, как ты вообще узнал о моем существовании?

Максимильян закинул ногу на ногу, провел рукой по подлокотнику кресла, потом, словно опомнившись, предложил:

— Кофе?

— Нет, спасибо. Я могу рассчитывать на ответ? В этом городе я никому не рассказывала о своих... способностях, — не без труда нашла я подходящее слово.

— Ты помогла в расследовании своему брату, — сказал он. — И весьма успешно.

Мне оставалось лишь согласно кивнуть. Мой двоюродный брат служил в полиции. Когда пропала четырехлетняя девочка и ее недельные поиски успехом не увенчались, он обратился ко мне. Я нашла ребенка. К сожалению, девочка к тому моменту уже несколько дней была мертва. Ответ Максимильяна вроде бы все объяснял, хотя, по сути, не объяснял ничего. Десятки экстрасенсов принимают участие в расследованиях. Это случилось в другом городе, в средствах массовой информации о нем не сообщалось. Конечно, многие были в курсе, особенно из числа сотрудников полиции, но Максимильян-то как обо всем узнал? Однако я предпочла согласиться с тем, что его ответ все объясняет, и сама не очень-то понимая причину своей покладистости.

— Может быть, все-таки кофе? — вновь предложил он, а я вновь отказалась. Вздохнула и, подбирая слова, заговорила:

— Я не умею управлять этим... Все происходит само собой... иногда я что-то вижу или чувствую, чаще нет. Так было с той девочкой... мы дважды ездили к дому, где он ее держал, но в первый раз я ничего не почувствовала. Тогда она была еще жива. А потом... потом я увидела ее. Она сказала «идем со мной» и показала мне место. Там и обнаружили тело...

— Ты поэтому решила переехать? Начала новую жизнь?

— Что это за способности, которые никого не спасают? — усмехнулась я и досадливо отвернулась, уж очень беспомощно это прозвучало.

— Любые способности можно развивать, довести до совершенства, — заметил он, глядя на меня с улыбкой, показавшейся мне скорее насмешливой, точно он ставил под сомнения собственные слова.

— Далеко не всем это удастся, — ответила я.

— Тебе удастся. — Он улыбнулся шире и вдруг добавил: — Я помогу. Вселяя в тебя уверенность и напоминая о необходимости тренироваться.

— И только-то? Я думала, ты маг и волшебник, возьмешь меня в ученики...

— Довольно заезженный сюжет, ты не находишь? Думаю, кофе нам все-таки не повредит.

Он поднялся, включил кофемашину и теперь стоял ко мне спиной.

— Скажи честно, зачем я тебе понадобилась? — брякнула я, хотя подозревала, что это не лучший способ узнать правду.

— Честно? — Он повернулся, передал мне чашку кофе и пожал плечами. — Иногда

правдивый ответ звучит как самая наглая ложь. Давай сойдемся на том, что нашу сугубо мужскую компанию не худо бы дополнить девушкой. В некоторых случаях люди куда охотнее беседуют с представительницами прекрасного пола.

— Я мало что смыслю в расследовании. Вряд ли от меня будет польза.

— Уверен, ты себя недооцениваешь, — засмеялся Максимильтян. — В любом случае стоит попробовать. Отказаться ты можешь всегда.

Я кивнула, вроде бы соглашаясь. Впрочем, я уже до этого знала, что приму его предложение, знала, еще только отправляясь сюда. «Если какая-то дверь вдруг открывается, просто войди в нее», — сказал какой-то восточный мудрец. Что ж, последуем совету. Хотя никто не обещал, что двери открываются к большой удаче. Иногда совсем наоборот.

Я пила кофе, стараясь не смотреть в сторону Максимильтяна и чувствуя на себе его взгляд. Нет, не насмешливый, как я решила вначале, скорее заботливый, и все-таки что-то упорно мешало относиться к Бергману с доверием. Что-то во мне самой отчаянно этому сопротивлялось. Своим ощущениям я привыкла доверять и потому мысленно пожелала себе: «Будь с этим типом поосторожней».

А потом прикрыла глаза и постаралась настроиться на своего собеседника. Говорю «настроиться», потому что до сих пор не придумала более подходящего слова. Сначала я ощутила тепло... Так было всегда, а потом... потом по-разному. Чаще всего я испытывала эмоции: гнев, радость, беспокойство... иногда это был синюшный комок злости и страха, чаще сомнения, нерешительность, иногда как подарок, радость и веселье, и тогда я понимала: передо мной счастливый человек... Сейчас на меня вдруг пахнуло ледяным холодом, и я невольно поежилась. Повернула голову. Джокер наблюдал за мной с широкой улыбкой.

— Оставь это для других, — сказал он, поставил свою чашку на стол и добавил: — У тебя будет время попрактиковаться.

А мои мысли заметались по кругу в попытке понять, что произошло: он почувствовал? Догадался? Разумеется, догадался. Он знает, с кем имеет дело, потому и пригласил меня. Но мое недоверие это лишь увеличило. Я поднялась и сказала как можно равнодушнее:

— Не буду отнимать у тебя время...

— Думаю, тебе лучше остаться, — ответил он. — Сейчас приедут остальные, и я расскажу о нашем новом деле. — Не успел он закончить фразу, как в дверь позвонили. — Ну вот и они.

Джокер набрал код на замке, дверь открылась, и в комнату шагнул Вадим. В белой приталенной рубашке и черных джинсах он выглядел моложе, чем накануне, и показался куда симпатичнее.

— Привет, красавица, — засмеялся он. — Какой приятный сюрприз!

— Здравствуй, Лена, — сказал Дмитрий, появляясь из-за его спины. Бриджи цвета хаки, оранжевая футболка, кепка со звездочкой над козырьком и ноутбук в холщовой сумке. Типичный студент, вечно торчащий в Интернете. От него исходило спокойное ровное тепло, с нашей предыдущей встречи в этом смысле ничего не изменилось. «Человек живет в гармонии с миром, — не без зависти подумала я, и тут мысль сделала внезапный скачок: — Когда Джокер успел позвонить им, чтобы вызвать сюда? Когда узнал о моем приходе? Был стопроцентно уверен, что я соглашусь работать с ними? Или это простое совпадение и встреча была назначена заранее?»

Джокер между тем направился к потайной двери, и прибывшие мужчины тоже. Мне

ничего не оставалось, как к ним присоединиться. Хозяин, открыв дверь, пропустил гостей вперед, и мы оказались в просторном кабинете с тремя окнами, защищенными светофильтрами из плотной ткани, сейчас опущенными ровно наполовину. В комнате было светло, но шторы спасали от жгучего солнца, впрочем, кондиционер тоже имелся. В остальном кабинет больше бы подошел средневековому астрологу. Толстенные тома на полках, подзорная труба возле окна, на столе какие-то таблицы, колбы, пробирки и прочее в том же духе.

— Не хватает скрипки, — съязвила я, оглядываясь.

— Она там, — довольно хихикнув, ткнул пальцем Вадим в соседний шкаф. — Слава богу, он на ней никогда не играет.

— Это что, декорации для клиентов? — уточнила я, продолжая оглядываться.

— Что-то вроде этого, — кивнул Максимильтян, устраиваясь в кресле во главе стола, двое мужчин сели по бокам. Мне пришлось сесть напротив хозяина.

— Клиентов сюда не пускают, — произнес Дмитрий, едва заметно улыбнувшись. — Кстати, мне здесь нравится.

— Ага, — хохотнул Вадим. — Навевает мысли о святой инквизиции. Давно хотел спросить, а в подвале у тебя нет пыточной? Кандалы, дыба и крысы величиной с дворняжку...

— Терпеть не могу крыс, — сказал Максимильтян. — Может, поговорим о деле?

— У нас богатый клиент? Впрочем, других мы не жалуем, — тут Вадим повернулся ко мне и подмигнул.

— Клиент просто мечта, — в тон ему ответил Максимильтян. — На расходах можем не экономить. Итак, ко мне обратилась некая Тамара Львовна Спивак, 78 лет, вдова...

— О господи, — простонал Вадим. — У старушки пропала собачка? Йорик или чихуахуа?

— Ты неплохо разбираешься, — улыбнулся Дмитрий.

— Еще бы... моя подружка мечтает о собаке, все уши мне прожужжала.

Максимильтян спокойно ждал, когда они наговорятся, внешне никак не демонстрируя нетерпения.

— У Тамары Львовны пропал племянник, — произнес он, когда Вадим замолчал. — То есть она считает, что он пропал. Женщина уверена: над их семьей тяготеет злой рок...

— Как раз по твоей части, — усмехнулся Вадим, поворачиваясь ко мне. — Надеюсь, ты сумеешь снять порчу? Венец безбрачия? Если нет, я помогу.

— Я не спешил бы сплавлять бабулю психиатру, — пожал плечами Максимильтян. — Пожалуй, злой рок имеет место быть... В начале февраля погибла ее племянница, с пропавшим они родные брат и сестра. Бабка хоть и была замужем, но своих детей у нее нет. В племяннике она души не чает, это дети ее родного брата, Басова Геннадия Львовича.

— Знакомая фамилия, — отозвался Дмитрий. — Это тот самый...

— Тот самый.

— Можно пояснить, чем он знаменит? — вмешалась я.

— Бизнесмен, один из богатейших людей области, так вот, в феврале он лишился дочери, а сейчас, предположительно, пропал его сын. Говорю «предположительно», потому что бабка и сама не совсем в этом уверена.

— Может, пропал, а может, загулял, — хмыкнул Вадим.

— Вот именно. Собственно, это главное, что предстоит выяснить. Кстати, восемь лет

назад бесследно исчезла старшая дочь Басова.

— Просто исчезла, и все? — нахмурилась я.

— Отец не прекращает поиски до сих пор. Судя по всему, безрезультатно. За год до этого погибла его жена, утонула в озере рядом с их загородным домом. Несчастный случай.

— Многовато для одной семейки, — проворчал Вадим.

— Согласен, — усмехнулся Дмитрий. — Убежденность старухи, что над ними тяготеет злой рок, небезосновательно. У Басова есть еще наследники?

— По словам бабки — нет. Нам следует найти парня, и как можно скорее. — Максимильтян достал из ящика стола две пластиковые папки, в которых было от силы пара листков, и перебросил их своим коллегам. — Здесь его адрес, краткая биография и прочая ерунда.

Вадим открыл папку и фыркнул:

— Красавчик. Парню двадцать два года, денег куры не клюют, жизнь у него должна быть насыщенной, как считаешь, дорогая?

— У меня есть имя, — сказала я и улыбнулась пошире, то есть так широко, что мои слова можно было понять лишь в одном смысле — «пошел к черту», но на Вадима моя улыбка особого впечатления не произвела.

— Максимильтян зовет тебя Девушкой, — сообщил он и усмехнулся.

— Девушкой? — переспросила я. — Удобно. Никогда с именем не напутаешь. Если без прозвищ вы никак не можете, хорошо, буду Девушкой. А словечки «милая, дорогая, киска» и прочее засуньте себе в задницы.

— Как скажешь, киска, — кивнул Вадим с серьезным видом.

— Кончай, — вмешался Дмитрий, прозвучало это скорее укоризненно.

— Надеюсь, максимум через сутки мы будем знать все об этом парне, — ворчливо заметил Максимильтян, никак не реагируя на нашу перепалку.

— Ясно, — кивнул Вадим, вроде бы тоже забыв о ней. — Мы начнем собирать информацию, а чем займешься ты?

— Отправлюсь к клиенту и постараюсь получить максимальный аванс.

— Вот это мне нравится, — засмеялся Вадим. — Кстати, как теперь будем распределять вознаграждение, господа?

— Здесь все по-прежнему: тридцать процентов каждому плюс десять процентов мне дополнительно. Девушке я заплачу из своей доли, а там посмотрим.

— По-моему, справедливо, что скажешь, Димыч?

— Скажу, что понятия не имею, что делать с деньгами. У меня их слишком много.

— Господи, как я ненавижу такие разговоры, — сквозь зубы пробормотал Вадим. — Если деньги лишние — давай мне. У меня их вечно не хватает.

— Бедняжка.

— Это я-то?

— Ты, ты... корчишь из себя независимого, а на деле давно подсел на презренный металл, как наркоман на герыч. Только тот, у кого нет ничего, по-настоящему свободен.

— Правильно говоришь. Поэтому я и спешу потратить свои денежки.

Минуту назад я была уверена, что их перепалка добром не кончится. Но тут они весело загоготали, и стало ясно: ни тот, ни другой не придают своим словам значения, и подтрунивают друг над другом скорее по привычке. Их спор начался не сегодня и давно уже ничего не значил. Это было ясно хотя бы по тому, как к обмену «любезностями» отнесся

Максимильян. Сидел со скучающим видом и вряд ли вообще что-то слышал из сказанного ими. А я, наблюдая за этой парочкой, сделала неожиданное открытие: Дмитрий на самом деле куда старше, чем я решила вначале. Он сидел напротив окна, и при солнечном свете становились заметны морщинки возле глаз и губ, линия подбородка казалась резче, а глаза... у него были глаза человека много повидавшего, и далеко не все из увиденного ему пришлось по душе. Передо мной был взрослый мужчина, а отнюдь не мальчик.

— Если вам больше нечего сказать — двигайте отсюда, — после короткой паузы произнес хозяин кабинета, воспользовавшись тем, что оба затихли.

— Удачи, братья, а теперь и сестры, то есть сестра, — поспешно поднявшись, сказал Вадим и тут же полез к Максимильяну: — Скажи, зачем на самом деле тебе нужна девчонка? Да так нужна, что ты готов платить ей из своего кармана?

— Потопали, мой любопытный друг. — Дмитрий подхватил его под руку, и они вместе покинули комнату.

— Не обращай внимания, — сказал Максимильян. — Он привыкнет.

— Любопытство и меня мучает, — ответила я.

— Кстати, что ты скажешь об этих двоих? Успела составить мнение?

— Вадим прямолинеен, как и положено Воину. Мир для него прост и ясен. Он немного сентиментален, хотя никогда в этом не признается. Я угадала или попала пальцем в небо?

— Угадала. А что Поэт?

— С ним сложнее. Но он мне нравится.

— А я? — усмехнулся Максимильян. — Я тебе нравлюсь?

— Нет, — ответила я неожиданно для самой себя. Я хотела ответить уклончиво, завуалировав ответ улыбкой, но вышло чересчур резко. Лицо Максимильяна оставалось спокойным, глаза он не отвел, и я почувствовала беспокойство, и вовсе не из-за своего ответа, а из-за его взгляда, обескураживающе откровенного и при этом начисто лишённого сексуальности, словно он поэтапно снимал с меня одежду, затем кожу, а потом и мясо до самых костей.

— Сам напросился, — засмеялся он, торопясь перевести все в шутку и отворачиваясь, но этот его взгляд я вряд ли забуду. — Если не возражаешь, отправимся к клиентке прямо сейчас. Она нас ждет.

— Чего ты хочешь от меня? — все-таки задала я вопрос, когда мы спускались по лестнице. — Я имею в виду, что я должна делать на встрече?

— Ничего особенного, — пожал он плечами. — Послушаешь старуху, появятся вопросы — задавай, но будет лучше, если ты просто понаблюдаешь, осмотришься. Мне важны твои впечатления.

В какой-то момент я даже решила, что Максимильян издевается, но он, судя по всему, говорил абсолютно серьезно. Люди платят за любовь, за верность, за молчание, за что только не платят. А вот этот тип готов платить за мои впечатления. Тут бы надо рассмеяться, но смешно почему-то не было.

— Ну вот, мы и на месте, — сказал Максимильян, и я увидела дом за невысоким кованым забором, вдоль которого росли туи.

Мы оставили машину возле ворот и направились к калитке. Мой спутник достал из кармана мобильный, но пока набирал номер, из дома показалась женщина лет пятидесяти, полная, слегка запыхавшаяся, она бросилась к калитке, открыла ее, несколько раз повторив:

— Проходите, хозяйка ждет.

Вслед за ней мы поднялись на крыльцо и прошли в просторную гостиную, где на диване сидела пожилая женщина в шали. Волосы, совершенно седые, она не красила, стриглась коротко, почти как мужчина. Черты лица крупные, грубоватые, смягчались возрастом. Она совсем не походила на обладательницу огромного состояния, все в ней было просто, от вязаной шали на плечах до тапочек с ушками. Обычная бабуля, правда, жила она в доме, который стоит не меньше тридцати миллионов, а может, и больше. Цены на недвижимость растут, а ее собственность находится в самом центре, в исторической части города. Хотя, если не считать камина с замысловатым барельефом, обстановка вполне обычная. Мягкая мебель, ковер на полу, горка с посудой и телевизор на тумбочке из черного стекла. Все достойно, но богатством здесь поразить не стремились. Белый потолок, светлый паркет и обои с цветочным рисунком. Дизайнеры назвали бы их в «английском стиле», а я попросту — деревенскими.

Женщина мне сразу понравилась, она была из тех, кто пережил и горе, и радость, а в богатстве и бедности вела себя с одинаковым достоинством.

— Максимильтян Эдмундович, — сказала она, поднимаясь навстречу, было заметно, что хозяйка очень взволнована и нашего прихода ждала с нетерпением. — Спасибо, что пришли.

— Здравствуйте, Тамара Львовна, это мой ассистент, Леночка.

— Вы такая молоденькая, — улыбнулась мне женщина, тяжело опускаясь в кресло. — Расследование — неподходящее занятие для девушки. Простите, болтаю всякую чушь. Я очень расстроена. — И совершенно по-бабьи вытерла слезящиеся глаза концом шали.

— Что-то произошло? — устраиваясь на диване, спросил Максимильтян, а я подумала, что в нем в отличие от старухи все фальшиво, и этот голос, и преувеличенная забота, с которой он смотрел на нее, и даже поза: нога на ногу, рука на подлокотнике. Безупречный джентльмен.

— Ничего не произошло, — покачала она головой. — Я звонила Егорушке, телефон по-прежнему отключен. Дома он не появлялся, а отец так и не сообщил в полицию.

— В отличие от вас он не считает, что с сыном произошло что-то скверное. В конце концов, молодой человек мог уехать с друзьями...

— Конечно, мог, — перебила старуха. — Но в такое время... И обычно я могла до него дозвониться. Он знает, что я беспокоюсь, хоть бы смс прислал...

— Молодые люди часто попросту не думают об этом...

— Только не Егор. Он знает, после того, что случилось с Настей, я себе места не нахожу. Домработница советует обратиться к экстрасенсу.

— Что ж, если вы считаете, что он скорее отыщет вашего племянника...

— Да я вовсе не об этом, — махнула рукой старуха. — Мне сказали, вы лучший в городе. А экстрасенс... может, я из ума выжила, но... поневоле поверишь, что все это неспроста. Сначала смерть Ольги, это жена моего брата. Я, признаться, ее недолюбливала, и, когда она утонула, не столько горевала, сколько досадовала. Как ее угораздило утонуть? Озеро-то величиной с бассейн. Ну, может, чуть больше. Там только дети и плавали, не озеро, а озерцо... И нате вам. Потом Женечка... Исчезла. И вдруг этот ужас с Настей...

— Расскажите подробнее, что с ней произошло?

— Ходили с подружкой в ночной клуб... Господи, даже вспоминать страшно. Где-то после двух Настя домой отправилась, одна. У нее была машина, ее так и не нашли. Саму Настю обнаружили утром, в десяти километрах от города на дороге. Совершенно голую. Она

замерзла, в ту ночь мороз был под тридцать градусов. Никаких следов. Подружку, конечно, допрашивали, но она ничего не знает. Ее даже на детекторе лжи проверяли. Как Настя оказалась за городом, если собиралась домой? Что вообще произошло...

— Я правильно понял: она именно замерзла? То есть это не было убийством?

— По-вашему, бросить человека на морозе — это не убийство? — возмутилась Тамара Львовна. — Не сама же она разделась? — и проворчала: — На теле не было повреждений, если вы об этом.

— Сексуальная близость?

— Тоже нет. — Я уловила отвращение, как только разговор зашел о сексе. — Настя — скромная девушка, у нее был молодой человек, но они расстались... Его тоже допрашивали. В ту ночь он находился в другом городе.

— А не могла она с кем-то поссориться в клубе? — спросил Максимильтян.

— Я ничего об этом не знаю. Моя девочка умерла, и до сих пор мне никто не объяснил, что случилось. А теперь вдруг исчез Егор.

— Сколько дней он не выходит на связь?

— Четыре. Последний раз мы виделись в воскресенье. Он приезжал сюда, мы вместе обедали.

— О своих планах он вам не рассказывал?

— Нет, — чуть помедлив, ответила женщина.

— Чем занимается ваш племянник? — Простой вопрос вызвал явные трудности.

— Ничем он не занимается, — после продолжительной паузы ответила Тамара Львовна. — Числится в фирме отца менеджером, но вряд ли часто там появляется. Горько говорить об этом, но он не в отца. Тот с шестнадцати лет вкалывал. И я, кстати, тоже, и муж мой покойный. Так были приучены. А дети... Да и то сказать, чего Егору особенно стараться, когда и так все есть. Но никаких глупостей, выпивки сверх меры или, спаси господи, наркотиков, этого никогда не было. А если кто иное вам наболтает, то это чистой воды ложь. Выпивает, да. Как все в молодости. Девушек много. Но Егор — хороший мальчик, может, ленивый, может, целеустремленности в нем нет, но хороший.

— С отцом у него какие отношения? — спросил Максимильтян.

— Как вам сказать? — нахмурившись и немного поразмыслив, ответила она. — Вроде бы хорошие, но...

— Но? — поторопил Максимильтян.

Тамара Львовна взглянула с сомнением.

— Мой брат очень много работает. После гибели жены и вовсе стал целыми днями пропадать в своем офисе. Я все понимала... человеку надо найти опору... Дети были на мне. Но время шло, а ничего не менялось. Понимаете? Детям нужна мать и нужен отец, а если матери нет, значит, отец просто обязан... — Она махнула рукой, точно досадуя. — Они живут рядом, но каждый сам по себе. А теперь брат еще и недоволен. Называет Егора лоботрясом и лодырем. А кто в этом виноват? После того как погибла Настя... брат сам не свой. Настя была его любимицей. Я-то думала, теперь он приблизит Егора, но нет... Они замкнулись в себе, и каждый переживает Настенькину смерть в одиночестве. Несчастливая семья, — заключила она, горестно качая головой.

— Что ваш брат думает по поводу этих несчастий?

— Брат? — переспросила Тамара Львовна. — Он со мной думами не делится. Он вообще по натуре человек замкнутый... Максимильтян Эдмундович, найдите племянника, у

меня дурное предчувствие. Все это неспроста...

— Давайте поговорим об этом, — кивнул Максимильян, перебивая даму с вежливой улыбкой. — Вы считаете, кто-то сознательно вредит вашей семье?

— А что я еще должна считать? Я даже боюсь подумать, что Егор... Была большая дружная семья, и вдруг все погибают один за другим.

— Между смертями довольно приличный временной промежуток, — точно извиняясь, напомнил Максимильян. — Старшая дочь исчезает через год после смерти матери, младшая погибает спустя восемь лет.

— Есть сумасшедшие, которые готовы ждать годами, чтобы их замысел осуществился... — запальчиво произнесла Тамара Львовна, глаза ее наполнились слезами, она покачала головой и продолжила: — Думайте обо мне что хотите, старая баба помешалась от горя... может быть... но в совпадения я не верю. Особенно сейчас, когда Егор вдруг пропал. Через полгода после ужасной гибели Насти... Девочку бросили замерзать на дороге. Она не была изнасилована, ее раздели догола и оставили. Что это, если не чудовищная, изощренная месть?

— Месть кому? Вашему брату?

Вопрос вызвал затруднение, Тамара продолжала хмуриться, нервно разглаживая подол своего платья.

— У меня нет детей, и если... если я лишусь племянника, наш род перестанет существовать. Исчезнет с лица земли. Вы верите в проклятие? — вдруг спросила она.

Максимильян едва заметно улыбнулся:

— Скорее да, чем нет.

— Не хотите меня обидеть? Я вас понимаю... Но в совпадения я точно не верю, — повторила она.

— Давайте поговорим о людях, желающих зла вашей семье. Или о проклятии.

— Я не знаю, кто это может быть... Теща моего брата терпеть его не могла. Она, знаете, всех бизнесменов считала мерзавцами и жуликами. Совершенно спятившая баба, коммунистка.

— Ей положено быть атеисткой, — заметил Максимильян. — Вряд ли проклятия по ее части.

— Не скажите. То-то эти атеисты кинулись в храмы, которые с таким остервенением разрушали. Почему бы и к колдунам не отправиться?

— Хорошо. Но проклинать собственных внуков...

— Мы понятия не имеем, какие силы приводим в движение. Она хотела навредить зятю, а в результате...

— Хорошо. С этой дамой можно встретиться?

— Она умерла еще до гибели дочери. На свадьбе не присутствовала и не видела никого из внуков. По-вашему, это нормально? Извините, — покачала она головой, — вы и вправду решите, что я спятила от горя. Главное, найдите Егора. Я хочу знать, что мой мальчик жив, здоров и ему ничего не угрожает. Верните его домой...

— Приложим все усилия, — кивнул Максимильян. — А вы уверены, что Егор единственный наследник?

— В каком смысле? — растерялась женщина.

— Ваш брат младше вас?

— Да. Ему пятьдесят шесть. Вы хотите сказать, у него могут быть еще дети?

— Почему бы и нет? Он вдовец уже девять лет. Кстати, и женатых мужчин клятва, данная в загсе, не всегда останавливает...

— Понимаю, куда вы клоните: семья на стороне... Чего же он тогда ее прячет? Давно бы женился.

— Допустим, у него есть причины этого не делать. И признавать ребенка он тоже не спешит.

— Но если законных детей вдруг не станет... Ему придется признать незаконного, чтоб было кому добро оставить?

Максимильян развел руками, точно хотел сказать: «Это куда вероятней, чем бабкино проклятие».

— Вы плохо знаете моего брата. Если у него возникнут подозрения, я этим мерзавцам не завидую. К тому же он в самом деле может жениться и детей нарожать. И злодейство окажется бесполезным.

— Люди редко думают об этом. Прошу прощения, свои деньги вы завещаете племяннику?

— Само собой. У брата и без того денег хватает.

— Егор дружил с младшей сестрой? — сменил тему Максимильян.

— Он очень любил Женю, она ему вместо няньки была. Тосковал очень, все ждал ее... Когда она исчезла, ему было тринадцать, переходный возраст, мальчик-сирота, в тот год она ему мать заменила, а с Настей... Настю он тоже любил, но она младше на три года и сама нуждалась в поддержке.

— А он не пытался сам найти старшую сестру?

Тамара вскинула голову и не меньше минуты смотрела на него, как будто искала ответ на этот вопрос.

— Пытался, — наконец, произнесла неохотно. — Даже к частному детективу обращался.

— Давно?

— Мне сказал об этом месяц назад.

— А что за детектив, вы знаете?

— Сказал, что нашел по Интернету.

— Понятно. И как успехи?

— Не знаю. Я не верю, что племянница жива, восемь лет прошло, глупо верить в чудо.

— Но он верил?

— Вряд ли. Просто любил ее... не мог успокоиться. Когда человек вот так исчезает, всегда есть крохотная надежда, ведь если тело не найдено...

— Вы его надежду не разделяете?

— Нет. Тело не нашли, но... тогда исчезло несколько девушек. Так сказали в полиции. Их тела тоже не нашли.

— То есть в городе орудовал маньяк, я правильно понял?

— Правильно. Она была последней жертвой. Исчезновения прекратились. Хотя... может, убийца просто переехал в другой город. Никаких следов. И я не хотела, чтобы Егор ворошил все это... Ничего, кроме боли, это не принесет. Если восемь лет назад не было никаких зацепок, то сейчас... Ради бога, найдите Егора. Вы моя единственная надежда.

— Благодарю. И все-таки не могу не задать вопрос: почему вы не обратились в полицию?

— А вы не догадываетесь? Потому что не верю, что они способны помочь. По крайней мере, предыдущий опыт убедил меня в этом. А о вас отзывались как о человеке, который свой хлеб не зря ест.

— Кстати, о хлебе, — улыбнулся Максимильтян. — Нам понадобятся деньги на расходы. И небольшой аванс.

— Ольга, — громко позвала Тамара Львовна, на ее крик тут же появилась домработница, которая встречала нас. — Деньги принеси, — сказала хозяйка.

Ольга кивнула и тут же удалилась. Минут через пять она снова вошла в комнату, держа в руках большой пакет из плотной бумаги, и передала хозяйке. Та вскрыла его, и на столе оказались несколько пачек в банковской упаковке.

— Денег не жалейте, — жестко сказала женщина. — Мне важен результат. Заплачу, сколько скажете, только племянника найдите. Деньги с собой в могилу не унесешь.

— Что ж, этих денег хватит на первое время, — кивнул Максимильтян, сунул банкноты в пакет и убрал его в карман. — Желаете получить расписку?

— Мне сказали, вы честный человек и репутация для вас не пустой звук.

— О да... репутацией я дорожу. Если не смогу вам помочь, значит, верну ваши деньги... Думаю, мне еще придется вас побеспокоить, когда возникнут какие-то вопросы.

— Беспokoйте сколько угодно, лишь бы толк был, — вздохнула Тамара Львовна. — Найдите племянника, заклинаю вас... четвертый день мне жизнь не мила...

Договорить она не успела, в комнату заглянула домработница, лицо у нее было напуганное, она вроде бы попыталась о чем-то предупредить хозяйку, но тут за ее спиной вырос мужчина лет пятидесяти, легонько задел ее плечом и вошел в комнату. Тамара разом подобралась, точно готовясь к бою, а мужчина сказал:

— У тебя гости? — взгляд внимательный и неприятный, на мне он задержался ненадолго, а вот Максимильтян вызвал у него беспокойство, даже тревогу. Он окинул его взглядом с ног до головы, вроде бы прицениваясь, и повернулся к Тамаре: — Ты нас познакомишь?

Было ясно, это ее брат. Пользуясь тем, что на меня внимание он теперь практически не обращал, я разглядывала его с большим старанием. Невысокий, плотный, в дорогом костюме, волосы густые, изрядно поседевшие, в целом выглядел значительно, как и положено человеку с его деньгами. Он мне не понравился, и объяснение этому я пока не находила. Возможно, дело в его деньгах. На досуге, с легкой руки Пантелеевны, я почитывала Кропоткина, а таких, как Басов, называла буржуями.

— Геннадий Львович, — покорно ответила Тамара, представляя своего брата. — А это Максимильтян Эдмундович. Мой знакомый.

— Очень приятно, — произнес Максимильтян и улыбнулся. Должно быть, улыбка эта предназначалась как раз для таких случаев. Совершенно обезоруживающая. Он выглядел наследником престола, путешествующим инкогнито. И тут, как вы понимаете, все вопросы, по меньшей мере, бестактны. — К сожалению, нам уже пора. — Он склонился к старухе, сграбастал ее руку и поцеловал, а она от неожиданности его перекрестила. В целом вышло трогательно. — Всего хорошего.

Максимильтян направился к двери, и я припустилась за ним. Басов проводил нас взглядом, скорее заинтригованным, чем сердитым. А с чего, собственно, дяденьке злиться на сестру? Она семейству добра желает. Но у брата на сей счет может быть иное мнение. Во-первых, деньги. Бизнесмены знают им цену, а всяких там частных сыщиков заведомо

считают жуликами (кстати, я до недавнего времени считала так же, и если уж совсем честно, пока еще мнение не изменила). Во-вторых, ему может не понравиться, что посторонний человек будет в курсе проблем его семьи. Об этом я и размышляла, покидая дом.

Едва мы оказались возле машины, Максимильтян спросил:

— Как впечатление?

— Тамара боится брата, я почувствовала это, как только он вошел. Но уступать ему не намерена.

— Bravo, — улыбнулся Максимильтян. — Это примерно так же, как читать чужие мысли... — в голосе его чудилась насмешка, хотя говорил он вполне добродушно.

— Нет, не так, — нахмурилась я. — Я не знаю их мыслей, но воспринимаю эмоции. Иногда.

— Этого вполне достаточно... для начала, — сказал он, устраиваясь за рулем. — Старуха не пришла в восторг от того, что брат застукал нас в ее доме... Скорее всего, причина банальная, — судя по его дальнейшим словам, мысли наши были схожи: Басова беспокоят деньги сестры, выброшенные на ветер, и вмешательство посторонних. — Есть еще ценные наблюдения? — спросил Максимильтян, ловко лавируя в потоке машин.

— Она очень волнуется за племянника. И гибель его сестры для нее большое горе. А вот что касается Евгении, пропавшей восемь лет назад...

— О ней тетушка говорила неохотно. Не будь в том необходимости, вовсе не стала бы ее упоминать. Чему, кстати, дала объяснение: не желает беречь старые раны.

— Зачем я тебе? — спросила я с усмешкой. — Ты и сам прекрасно справляешься.

— Хотел убедиться, что это не моя фантазия. Значит, ты почувствовала то же самое.

— Я почувствовала, а ты сделал те же выводы, понаблюдав за старухой, — в этом утверждении заключался вопрос, Максимильтян, наверное, это понял, но предпочел не отвечать и продолжил:

— Сейчас клиентка объясняется с братом, не удивлюсь, если она позвонит и откажется от наших услуг. — Максимильтян засмеялся и подмигнул, повернувшись ко мне. — Вот как важно получить аванс.

— А расценки у вас не хилые.

— Еще бы. Мы ценим свой труд. Кстати, провалов у нас действительно не было.

— Поздравляю. Чего-то она не договаривает, — помолчав, заметила я. — Во время разговора старуха была напряжена, точно боялась сказать лишнее.

— Не беда, мы все из нее вытянем, если понадобится.

Тут у Максимильтяна зазвонил мобильный, он торопливо достал его, взглянул на дисплей и поднял брови, вроде бы в недоумении, но все же ответил.

— Бергман, — бросил отрывисто, и на его физиономии появилась усмешка, презрительная. Он выслушал собеседника, сказал: «Хорошо», — и убрал телефон.

— Старушка с нами прощается? — предположила я.

— Ничего подобного. Братец предлагает встретиться. В своем офисе через полчаса.

— Решил вправить нам мозги или взять расследование в свои руки?

— Что говорит твоя интуиция?

— Погонит нас поганой метлой.

— Он предложит нам работу. Как насчет ставки в тысячу?

— Перебьешься. Я не слышала вашего разговора, вдруг ты жульничаешь?

— Никогда не лгу без особой на то нужды, — хмыкнул Максимильтян. — Что ж, едем к

господину Басову.

Офис не выглядел особо впечатляющим. Обычное трехэтажное здание в центре города. Но, учитывая месторасположение и квадратные метры, тянуло на весьма приличную сумму. Из чего следовало: Басов консервативен, «сталинка» ему милее новомодных строений из стекла, в которых чувствуешь себя как в аквариуме, а еще для него куда важнее быть, чем казаться. Впрочем, у него может быть два десятка причин выбрать именно то здание, а не любое другое.

— Он тебе не понравился, — сказал Максимильян, имея в виду Басова.

Мы искали место на парковке возле офиса, пока безуспешно.

— Не так категорично, — ответила я и брякнула: — Не люблю буржуев.

— У тебя, случайно, нет татуировки Че или Мао, к примеру?

Он вроде бы шутил, но такая догадливость мне не понравилась:

— Откуда ты знаешь?

— Учусь на ясновидца, — засмеялся он. — На самом деле я заметил наколку, когда ты подняла руку... но что там изображено, разглядеть не успел. Так чей портрет ты носишь на своем предплечье?

— Че.

— Он куда симпатичнее Мао, да и всех остальных своих собратьев... Ну наконец-то, — буркнул он, заметив свободное место.

Через минуту мы уже входили в офис. Возле дверей нас встретил охранник. В глубине холла около монитора сидели еще двое. Узкий проход был перекрыт автоматическим шлагбаумом.

— Простите, вы к кому? — спросил охранник, завидя нас.

— Моя фамилия Бергман.

Охранник скупо улыбнулся:

— Проходите, пожалуйста, вам на второй этаж.

Выглядел он скорее бойцом «Альфы», чем рядовым охранником, хотя одет был в серый костюм, а вместо автомата в руках держал рацию.

Мы направились к лестнице.

— Такое впечатление, что здесь готовятся к осаде, — шепнул мне Бергман. — Что тебе подсказывает твое чутье: понты или у Басова неприятности?

— Мое чутье ничего не подсказывает, — фыркнула я. — Задремало, наверное.

Но Максимильян, конечно, прав. Мысли о возможной осаде являлись сами собой, стоило лишь взглянуть на крепких парней в костюмах.

На втором этаже нас ждала женщина лет двадцати пяти, одетая подчеркнута поделовому, никаких вольностей в виде расстегнутой пуговички в нужном месте, короткой юбки или шпилек.

— Прошу за мной, — сказала она, поздоровавшись, и пошла впереди, указывая дорогу. Но пару раз обернулась, вроде бы желая убедиться, что мы следуем за ней, однако интересовал ее исключительно Бергман, что, в общем-то, не удивило. На такого, как он, трудно не обратить внимания. Она дважды обернулась, а он дважды улыбнулся ободряюще, мол, дерзай, дорогая, просящему да обломится.

Когда мы подходили к кабинету Басова, деловитость девушки практически улетучилась.

— Что вы делаете сегодня вечером? — шепнул ей Максимильян, притормозив перед

дверью, а она в ответ лукаво улыбнулась, из чего я заключила, что этот вечер они, вполне возможно, проведут вместе.

«Бабник», — мысленно хмыкнула я, хотя и знала, что не права. Максимильтян из тех, кто женское внимание ценит недорого, и если возьмется охмурить девушку, то скорее из соображений возможной пользы для дела. Впрочем, как знать, как знать... Для меня он до сих пор оставался непроницаем, ни одной эмоции я не смогла уловить, точно передо мной не человек, а его бездушная копия.

Девушка распахнула перед нами дверь, и я увидела просторный кабинет с тремя окнами, гигантским столом посередине с черной глянцевой столешницей, креслом, которое больше походило на трон, и низким стеллажом вдоль одной из стен. Стена над креслом вся была завешана дипломами и фотографиями. На столе тоже стояли фотографии, но видеть изображение со своего места я не могла. Те, что на стене, могли похвастать медийными лицами, в основном политиками, которые дружески обнимали улыбающегося Басова. Вид у него при этом был такой, что сразу становилось ясно, кто тут настоящая звезда.

Геннадий Львович стоял возле окна и хмуро обозревал пейзаж. Как только мы вошли, девушка тут же закрыла за нами дверь, оставшись в приемной, такое впечатление, что в кабинет хозяина заходить она боялась. Должно быть, босс он суровый.

— Моя сестра — дура, — не поворачивая головы, громко произнес он.

— Не могу с вами согласиться, — ответил Максимильтян. — Мне Тамара Львовна показалась на редкость здравомыслящей женщиной.

Бергман устроился на одном из стульев, не дожидаясь приглашения. Кивнул мне:

— Присаживайся, милая.

Его тон можно было бы назвать развязным, заяви так кто-то другой, но Максимильтян, само собой, оставался безукоризненным джентльменом. Басову его поведение вряд ли понравилось, но он не спешил демонстрировать недовольство, хотя не удержался и сказал язвительно:

— За те деньги, что она вам платит, вы ее пресвятой девой объявите.

— Вы ошибаетесь, это будет стоить куда дороже. Геннадий Львович, у вас свой бизнес, у меня — свой, не будем понапрасну тратить время друг друга.

— Что ж, я уважаю деловых людей, — кивнул Басов, не спеша устраиваясь в своем кресле. Видно, кресло с секретом, Геннадий Львович точно воспарил над столом и теперь выглядел и выше, и значительнее.

— Что вам наговорила моя сестра? — ворчливо начал он. — Историю о проклятии? Моя покойная теща и на том свете никак не успокоится? Все это чушь, которой сестра набирается, целыми днями сидя перед телевизором.

— О проклятии речь действительно заходила, — кивнул Максимильтян.

— Надеюсь, вы-то не сомневаетесь, что это бред?

Бергман пожал плечами, понять это можно было как угодно.

— Вашей сестре есть о чем тревожиться.

— Да. Есть, — вздохнул Басов. — Мои дети... Самое худшее, что может быть в жизни человека, это смерть его ребенка... такого я и врагу не пожелаю.

— Ваши чувства мне понятны...

— Тамара просила вас найти Егора? — перебил Басов, точно жалея о минутной слабости, голос вновь звучал деловито, без эмоций.

— Да. Ее беспокоит его долгое отсутствие.

— Мальчишка где-нибудь на Мальдивах, по крайней мере, в прошлый раз его обнаружили там. Тогда моя сестра тоже нервничала, заявила в полицию. Он, видите ли, не мог позвонить, потому как оставил телефон в машине, в аэропорту на стоянке... Буду с вами откровенен. О том, что сестра обратилась к вам, я узнал еще вчера, и навел о вас справки. И то, что я услышал... Хочу предложить вам работу: не поиски моего оболтуса, надеюсь, на днях он и сам объявится, дело куда серьезнее... Убийство моей дочери. Я абсолютно уверен, это было убийство. Ее бросили в лесу на верную смерть, и тот, кто это сделал... Разумеется, вы можете назвать любую сумму за свои услуги, в пределах разумного, естественно. Я хочу получить убийцу дочери.

— Я понял, — кивнул Максимильтян. — Что ж, предложение заманчивое. Мой принцип: если можешь взять больше — бери. Но... я связан обязательством. Ваша сестра...

— К черту старую дуру, — отмахнулся Басов.

— Не в моих правилах отказывать клиентам, когда мы уже заключили договор. Но мне ничто не мешает взяться за оба дела, моих ресурсов хватит на это.

— И все-таки я бы хотел...

— Это не обсуждается, — не сказал даже, а промурлыкал Максимильтян, но становилось ясно, что так оно и будет.

Вряд ли Басов привык к подобному, его заметно перекосило, однако он счел за благо проглотить обиду.

— Обещайте, что приоритетным для вас будет расследование убийства, — сказал он.

— Обещаю, что приложу максимум сил...

— Будем считать, мы договорились. Секретарь подготовит необходимые документы... А все бумаги, которые у меня есть по этому делу, копии протоколов допросов...

— О, — уважительно произнес Максимильтян, но и здесь я заподозрила насмешку, — это значительно облегчит нашу работу.

— Девушка — ваша сотрудница? — соизволил обратить на меня внимание Басов.

— Да. И, несмотря на молодость, очень ценная сотрудница.

— За все время она не сказала ни слова.

— У нее другие задачи, — мягонько так съязвил Бергман. На языке хозяина кабинета вертелся вопрос: «Какие?» Не надо быть экстрасенсом, чтобы это заметить, но задавать этот вопрос он не стал.

— Уверен, вы отлично знаете, что вам нужно для работы.

— В первую очередь ваша откровенность, — тем же тоном заявил Максимильтян.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Геннадий Львович.

— У вас есть подозрения, кто мог быть причастен к гибели вашей дочери? Охрана на входе выглядит впечатляюще.

— Глупости, обычная охрана. — Басов отвернулся к окну, пожевал губами, точно прикидывая, стоит ли продолжать. — Вы правы, — со вздохом заявил он, в голосе не было ничего от уверенного в непогрешимости своих оценок босса, только усталость. — Нечестно заставлять вас плутать впотьмах. В январе этого года у меня появились некие люди... Они не назвали ни своих имен, ни имен людей, интересы которых представляют. Двое наглых мерзавцев... — Басов стиснул кулак и вновь отвернулся к окну. — Не буду утомлять вас рассказами о своем бизнесе, речь в данном случае шла о крупном проекте, строительстве очистных сооружений. Так вот, мне советовали отказаться от него. Разумеется, я указал нахалам на дверь. Тогда один из них вскользь обронил фразу, что... что мне следовало бы

подумать о своих детях. Не знаю, как я сумел сдержаться и не придушил подонка прямо в этом кабинете. А через две недели погибла моя дочь.

— Эти люди напомнили о себе? — спросил Максимильян.

— В том-то и дело, что нет. Но я не мог отделаться от мысли, что угроза вовсе не была пустой. Расследование не дало никаких результатов, а неделю назад мне вновь позвонили и задали вопрос, не передумал ли я.

— Вы знаете, где ваш сын? — спросила я.

Басов взглянул с недовольством:

— Нет.

— Учитывая ваш рассказ, — заговорил Максимильян, — вам бы следовало побеспокоиться о его безопасности. И его отсутствие должно бы вас напугать. Но вы называете сестру «старой дурой» за то, что она обратилась к нам, и настаиваете на том, чтобы мы расследовали убийство вашей дочери, вместо того чтобы разыскать Егора. Немного странно. Этому может быть лишь два объяснения: либо судьба сына вам безразлична, либо вы знаете, где он.

— Знаю, и не хочу, чтобы об этом знали другие. Оттого и разозлился на сестру. После того звонка по телефону я решил, что сыну лучше пожить за границей. Купил билет на самолет и снял номер в гостинице. Он улетел в понедельник. Прислал смс, что у него все в порядке. Мы договорились, что он не будет звонить ни друзьям, ни своей тетке, ни даже мне. Я не хочу лишиться своего теперь уже единственного ребенка. И я хочу знать, кто эти люди, приходившие ко мне. Кто их хозяин? Кто убил мою дочь?

— Если речь о заказном убийстве, — закинув ногу на ногу, произнес Максимильян, — будет довольно трудно доказать причастность заказчика.

— Неопровержимые доказательства оставим суду. Мне нужен исполнитель и имя человека, который его нанял. И я готов за это очень хорошо заплатить. Остальное вас не касается.

— Что ж, меня это вполне устраивает, — покачивая ногой и глядя куда-то в угол, сказал Максимильян.

Басов, наблюдая за ним, вроде бы ожидал продолжения. Потом достал из ящика стола толстую папку и передвинул Бергману.

— Здесь все, что смогли нарыть следователи.

— Благодарю. — Максимильян взял папку и поднялся.

— Обо всем докладывать мне лично, — в голосе Басова вновь появились хозяйские интонации.

Максимильян кивнул и направился к двери, в том, как он шел, как небрежно держал папку в руках, было полное равнодушие, если не сказать презрение. Неудивительно, что глядя ему вслед, хозяин кабинета сцепил зубы, а рука его вновь сжалась в кулак. Наблюдая все это, я совсем забыла, что мне следует поспешить за своим боссом, Геннадий Львович на мою задержку никакого внимания не обратил, всецело поглощенный лицезрением спины Максимильяна.

— Ты его дразнишь, — сказала я, когда мы оказались в пустой приемной. Обитавшую здесь секретаршу сразу после нашего ухода вызвал Басов.

— Да? — поднял он брови. — Терпеть не могу тех, кто мнит себя чуть ли не Господом, — тут он засмеялся и добавил: — Сам грешен. Ничто не раздражает так, как собственные недостатки, обнаруженные у других.

Вернулась девушка, попросила нас подождать и вновь удалилась в юридический отдел. Ожидая, когда юристы проверят договор, предложенный Максимильяном, а потом отнесут его на подпись Басову, мой босс просматривал документы в папке, а мне оставалось таращиться в окно. Правда, надолго нас не задержали. Минут через двадцать все было подписано, и секретарша, забирая свой экземпляр соглашения, с улыбкой произнесла:

— Деньги поступят на ваш счет часа через три-четыре.

— Отлично, — ответил ей Бергман. — Значит, вечер обещает быть приятным.

Девушка хихикнула, смущенно отводя взгляд, а Бергман жестом фокусника вложил ей в руку свою визитку. «Бергман Максимильян Эдмундович», значилось на ней, без всяких там объяснений, что это за столп отечества, ниже номер мобильного телефона, а в левом верхнем углу герб, тот самый, что красуется на фасаде его магазина. Девушка сунула визитку в карман пиджака, косясь на дверь, за которой обретался Басов. Мы простились и направились по коридору.

— Девушка... — начала я, но Бергман сделал предостерегающий жест рукой и, только когда мы оказались в машине, спросил:

— Девушка, и что дальше?

— Ты ее вербуешь или нуждаешься в женской ласке?

— Одно другому не мешает, как ты понимаешь. Девушка позвонит... Кстати, как ее имя? Юлия, кажется... точно, имя было на табличке, стоявшей на столе. Так вот, Юля позвонит, мы встретимся, и она поведает, какой редкий гад ее шеф. Чувствуется, бедняжке не сладко живется.

— Вот именно, и такие, как ты, жизнь отнюдь не облегчают.

— Вот как... приступ женской солидарности. Я не собираюсь ее соблазнять, я лишь подарю ей незабываемый вечер, с шампанским, цветами, свечами и прогулкой под луной. Сделаю ее жизнь прекрасной... на время.

— А оставшееся время она будет тосковать о несбыточном, — усмехнулась я в досаде. Досадовала в основном на себя, какого черта я вообще завела этот разговор.

— Как у тебя с душевными ранами? — нахмурился Бергман. — Не кровоточат?

— Бог миловал. Легкие царапины, и те давно уже не в счет. Ты не разозлился, что я вмешалась в ваш разговор с Басовым? — решила я сменить тему.

— Я был бы разочарован, не сделай ты этого.

— Такие, как Басов, обычно хорошо знают своих конкурентов, а он пытался убедить нас в том, что его бизнес отжимают неизвестные.

— Догадки-то у него точно есть, но он решил ими не делиться. Выйти на тех, кто разевает рот на чужое добро, проще простого.

— Да? — хмыкнула я.

— Поверь мне, — кивнул он. — Итак, нам предлагают заняться убийством, случившимся в феврале, и не тратить понапрасну время на поиски Егора, который жив-здоров и не выходит на связь, потому что так велел отец.

— Ты расскажешь об этом Тамаре? — спросила я.

— Нет.

[Купить полную версию книги](#)